

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10.12.2009. Издаётся с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 2

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабидуллин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:
Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:
Бабенко Т.Д.

Главный редактор
Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора
Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:
по каталогу «Роспечать» — 20887;
«Каталог российской прессы» — 24273;
«Объединенный каталог» — 24782.

Также можно подписаться на сайтах:
www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Печ. л. 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Подписано в печать 02.02.2018.

Выход в свет 22.02.2018.

ISSN 2070-2108. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Максимов А.А. Роль и место руководителей
в обеспечении законности в деятельности органов
Федеральной службы безопасности России 3

Харитонов С.С. Правовая экспертиза как элемент
правового обеспечения (сопровождения)
договорной работы с участием воинских частей 7

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Познахирев В.В. Особенности правового статуса
военнослужащих французского экспедиционного
корпуса, интернированного в Россию в 1734 г. 11

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Гуриц С.Д., Юнусов А.А. Международно-правовое
сотрудничество государств по проблеме военнопленных
во второй половине XX века — начале XXI века 15

Невлев В.В. Историческое участие российских
военных в правовом становлении московского
потребительского центросоюза 19

Новохионов Д.В., Шеншин В.М.
Развитие российского законодательства
об уголовной ответственности за преступления
против порядка подчиненности и воинских уставных
взаимоотношений: историко-правовой аспект 24

Парсуков В.А. Регулирование процесса
прохождения военной службы в пограничных органах
Российской империи 28

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

**Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук**

MILITARY JURIDICAL JOURNAL

No. 2

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) PI № ФС77-38319 10.12.2009. Published since 2006, is published monthly.

Founder: Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences

Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Truntsevskij Yuriy Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Tuganov Yuriy Nikolaevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief:
Kocheshev Sergey Petrovich,
candidate of juridical sciences

Responsible editor:
Babenko T.D.

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":
Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences

Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 (multichannel).
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow.

Subscription in Russia:
Rospechat — 20887;
Catalogue of the Russian press — 24273;
Unified Catalogue — 24782.

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru
Printer's sheet 4,0.

Circulation 2000 copies.
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing 02.02.2018.
Edition was published 22.02.2018.
ISSN 2070-2108. Free market price.

CONTENTS

RELEVANT ISSUES OF MILITARY SERVICE

- Maksimov A.A.** The Role and Place of Officers in Securing Law and Order in the Activities of the Bodies of the Federal Security Service of Russia 3
- Kharitonov S.S.** Legal Examination as an Element of Legal Coverage (Support) of Contractual Work Involving Participation of Military Units 7

INTERNATIONAL EXPERIENCE

- Poznakhirev V.V.** Peculiarities of the Legal Status of Military Service Men of the French Expeditionary Corps Interned in Russia in 1734 11

HISTORICAL JOURNEY

- Gurits S.D., Yunusov A.A.** International Legal Cooperation of States on the Issue of Prisoners of War in the Second Half of the XX to the Early XXI Century 15
- Nevlev V.V.** Historical Participation of Russian Military Service Men in the Legal Establishment of the Moscow Central Union of Consumer Societies 19
- Novokshonov D.V., Shenshin V.M.** Development of the Russian Laws on Criminal Liability for Crimes against the Chain of Command and Military Statutory Relationships: the Historical and Legal Aspect 24
- Parsukov V.A.** Regulation of the Process of Performing Military Duty in the Border Authorities of the Russian Empire 28

*The journal is included
in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publication of basic results of candidate and doctor of theses**

РОЛЬ И МЕСТО РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*Максимов Александр Александрович,
заведующий кафедрой административного,
финансового и информационного права Северного института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции,
кандидат юридических наук
aleksandr-law@mail.ru*

В статье рассматриваются существующие подходы к понятию законности, делается вывод о наличии двухконтурной системы ее обеспечения — внешней и внутренней (внутриведомственной). Делается вывод о первичности внутриведомственного механизма обеспечения законности. На основании законодательства и подзаконных актов детализируется деятельность руководителей органов ФСБ России по обеспечению законности во вверенных им подразделениях.

Ключевые слова: законность, принципы законности, обеспечение законности, органы безопасности, руководители органов безопасности, контроль за обеспечением законности.

The Role and Place of Officers in Securing Law and Order in the Activities of the Bodies of the Federal Security Service of Russia

*Maksimov Aleksandr A.
Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law
of the Northern Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Candidate of Legal Sciences*

The article examines the main approaches to the concept of legality, the conclusion about the existence of a two-loop system for its provision — external and internal (intra-departmental). The conclusion is made about the primacy of the internal mechanism for ensuring legality. Based on the legislation and by-laws, the activities of the heads of the bodies of the FSB of Russia to ensure lawfulness in the units entrusted to them are detailed.

Keywords: legality, principles of legality, ensuring legality, security agencies, heads of security agencies, control over ensuring legality.

Законность является достаточно многоплановым правовым явлением. Через призму законности становится возможным отразить правовую жизнь современного общества, а также опосредованно проникнуть в иные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. От уровня ее обеспечения во многом зависит степень доверия общества к государству и его аппарату и, как следствие, в определенной мере предопределяет поведение людей, причем как граждан, так и должностных лиц. Исходя из этого, одним из самых значимых условий установления и поддержания законности выступает деятельность руководителей органов государственной власти (и государственных органов) по ее обеспечению в своей деятельности.

Принцип законности, наряду с принципом всеобщего равенства и равноправия¹, разделением властей и верховенством права, рассматривается одним из элементов правового государства² и одновременно ключевым условием его формирования и существо-

¹ Ларинбаева И.И. Принцип равноправия в правовом государстве // Международный академический вестник. 2015. № 3. С. 63–65.

² См., например: Тагизаде А.Д. Принцип законности в контексте развития и функционирования правового государства: философско-правовые аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 147–159; Пчелинцев С.С. Реализация принципа законности на государственной службе в контексте правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8; и др.

вания³. Одной из главных проблем в деятельности государственного аппарата выступают явления нарушения законности, выражающиеся посредством таких деяний, как коррупция, взяточничество, злоупотребление служебным положением и проч. С.С. Громыко отмечает, что наиболее значимую опасность данные злоупотребления представляют в деятельности правоохранительных органов, а также органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции⁴.

Начиная рассмотрение содержания и проблем обеспечения законности, в первую очередь, необходимо определить значение данной правовой категории. Классический подход к пониманию законности предложен Л.А. Морозовой, Н.В. Витруком, В.С. Нерсесянцем и др. Данными исследователями предложен комплексный подход к этому понятию как принципу государственно-правовой жизни, методу управления и сущности самого закона.

Таким образом, понятие «законность» следует относить более к философским и социально-правовым терминам. Под разным углом зрения данному понятию возможно придать особый, специфический, смысл. С одной стороны, законность может выступать в форме политико-правового состояния, определяющего верховенство права для человека, общества и государства. По своему смыслу в данной интерпретации «законность» закреплена в ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ, определяя верховенство Конституции РФ, обязательность соответствия законов и подзаконных актов Конституции РФ, а также обязанность соблюдения Конституции РФ и законов субъектами права: органами государственной власти, местного самоуправления, должными лицами, гражданами и их объединениями.

С другой стороны, под законностью можно рассматривать фактический порядок действия права в государстве, посредством которого субъекты права соблюдают все правовые нормы однообразно и последовательно, а сами правовые нормы действуют одинаково на субъектов права без каких-либо исключений. Указанное прочтение понятия «законность» корреспондирует нормам ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей всеобщее равенство перед законом и судом вне зависимости от субъективных причин или оснований.

При толковании понятия «законность» как метода правовой деятельности последняя зачастую отождествляется с формами и порядком реализации нормативных правовых актов. Однако необходимо учитывать, что в своем абсолютном виде законность не метод реализации, а фактическое (действительное) состояние общественных отношений, непосредствен-

но обусловленное реализацией нормативных правовых актов (законов).

На основании изложенного под «законностью» предлагается понимать *состояние общественных отношений, представляющее собой совокупность социальных, политических и юридических требований и условий, основанных на абсолютизированном соблюдении и исполнении государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, гражданами и их объединениями всех действующих нормативных правовых и подзаконных актов в равной степени и в одинаковой мере, а также поддерживаемое государством посредством особого политико-правового режима.*

Следующим, не менее важным элементом понятия законности являются ее принципы — базисные положения (философско-правовые конструкции), обусловленные особенностями и характером формирования и функционирования системы права и выступающие основой реализации права и поведения субъектов правоотношений.

Принципам законности посвящено достаточно большое число исследований⁵ и в рамках данной работы предлагается их только обозначить: верховенство закона, единство, всеобщность, целесообразность, гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина, равноправие, наказуемость, презумпция невиновности, правовая культура.

Несмотря на особое значение законности для государства и общества, ее появление не является автоматическим, а выступает результатом соблюдения целого ряда условий. Сам по себе закон являет собой набор предписаний на бумаге — чтобы они начали исполняться, а тем более не нарушаться, необходим целый комплекс организационных, политических, юридических и идеологических мер, его обеспечивающих⁶, которые в большей своей массе закреплены в Конституции РФ. Любые условия формирования и обеспечения законности в основе должны иметь соответствующий государственный административный механизм. Наличие (или отсутствие) указанного механизма выступает ключевым фактором обеспечения законности, впитывая в себя все вышеперечисленные условия.

Эффективность обеспечения законности органом государственной власти, в первую очередь, зависит от уровня законности и дисциплины самих участников управленческого процесса. Под государственной дисциплиной подразумевается сознательное повиновение и строгое соблюдение норм поведения, согласованность в действиях, прежде всего государственных

³ Зиновьева М.Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 14–28.

⁴ Громыко С.С. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности органов исполнительной власти: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 116–134.

⁵ Гудков А.И. Законность (принципы законности) в условиях реформирования России // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 194–197; Законность в Российской Федерации / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Спарк, 1998. С. 21–43.

⁶ См.: Зиновьева М.Ю. Там же. С. 28; Демидов В.В. Законность в современном российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 71 и след.

служащих по выполнению ими общих и должностных обязанностей, а также распоряжений руководителей.

Таким образом, под дисциплиной подразумевается точное исполнение предписаний всех нормативных правовых актов как управляющими, так и управляемыми субъектами. Особое значение в данном контексте приобретают руководители органов государственной власти, призванные обеспечивать законность и дисциплину в подчиненных им подразделениях. Для решения данных задач руководитель должен обеспечить деятельность вверенного ему подразделения достаточным количеством правовых норм высокого качества; установить строгое соблюдение всех правовых норм и предписаний; обеспечить деятельность вверенного ему подразделения кадрами и материальными составляющими.

Вопросы законности совершаемых органами государственной власти действий и издаваемых ими правовых актов традиционно возникают в ходе административно-распорядительной и административно-охранительной деятельности, то есть при реализации правоисполнительных и правоохранительных функций.

В системе органов публичной власти возможно произвести формальное деление на органы, для которых обеспечение законности составляет не основную для них функцию деятельности, и органы, специально созданные для обеспечения законности, то есть правоохранительные.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее — ФСБ России) является единой централизованной системой государственных органов, призванных обеспечивать безопасность России и направленной в своей деятельности, тем самым на все органы государственной власти в равной степени. Ввиду этого законность в деятельности органов и подразделений ФСБ России выступает одним из ключевых, основополагающих принципов.

В соответствии со ст. 5 Закона о ФСБ России, в качестве первого и самого важного принципа деятельности органов ФСБ России является законность. Данный принцип наравне с остальными позволяет рассматривать органы безопасности в качестве инструмента обеспечения законности.

Ввиду достаточной широты понятия законности в данном контексте предлагается разделить механизм обеспечения законности органами ФСБ России на *внешний* и *внутренний*. Внешний контроль за законностью осуществляется в отношении органов публичной администрации различными государственными органами, должностными лицами, которым подконтрольные административно-публичные органы и их должностные лица не подчинены организационно (по службе). В свою очередь, внутренний контроль за законностью осуществляется органами, должностными лицами, которым подконтрольные административно-публичные органы и их должностные лица, соответственно, подчинены организационно (по службе).

В соответствии со ст. 8 Закона о ФСБ осуществляется широкий спектр функций, которые в соответ-

ствии с Указом Президента РФ от 11.08.2003 № 960⁷ в той или иной мере можно рассматривать с позиций внешнего контроля за обеспечением законности, так как деятельность ФСБ России направлена на все органы государственной власти в равной степени. В соответствии с этим на органах ФСБ России лежит весь объем ответственности за обеспечение безопасности в Российской Федерации, и тем самым руководители соответствующих органов призваны обеспечивать дисциплину и законность деятельности подчиненных им должностных лиц, но уже в рамках внутреннего контроля.

Внутренний контроль формально разделяется по своей организационно-правовой форме на контроль, осуществляемый субъектами линейной власти общей компетенции (для ФСБ России таковым выступает Президент РФ), и контроль, осуществляемый субъектами линейной власти внутриведомственной компетенции. Руководители органов ФСБ России обеспечивают законность именно в рамках второго, внутриведомственного контроля. По форме данный контроль производится в виде инспекции, или проверки, а также, в некоторых случаях, — ревизии; по содержанию — материальный (фактический) или формальный (документационный). Зачастую ревизии проводятся для контроля материальных ресурсов, инспекции направлены на контроль за боевой готовностью органов и подразделений ФСБ России, проверки — на широкий спектр деятельности, в том числе и на контроль за обеспечением законности в органах ФСБ России.

В соответствии с п. 10 и 11 Указа Президента Российской Федерации от 11.08.2003 № 960 ФСБ России возглавляет директор ФСБ России, осуществляющий непосредственное руководство всей службой. Структурно ведомство имеет в своем составе службы, департаменты, управления и другие подразделения, непосредственно реализующие направления деятельности органов федеральной службы безопасности, а также подразделения, исполняющие управленческие функции. Помимо указанных, отдельно в структуре ФСБ России выделяются территориальные органы безопасности, органы безопасности в войсках, пограничные органы, а также другие управления (отделы) ФСБ России, осуществляющие отдельные полномочия ФСБ России или обеспечивающие деятельность органов федеральной службы безопасности и пограничных войск (другие органы безопасности), а также органы, предназначенные для обеспечения деятельности федеральной службы безопасности.

Ввиду этого принцип законности в деятельности органов и подразделений ФСБ России находит свое конкретное выражение: в подзаконном характере действий; в осуществлении надзора за законностью действий должностных лиц и граждан; в законном и обоснованном применении мер государственного принуждения; в обеспечении строгого порядка и дис-

⁷ СЗ РФ. 2003. № 33. Ст. 3254.

циплины внутри органов ФСБ России; в строгой ответственности военнослужащих и сотрудников органов ФСБ России за неисполнение требований закона.

На основании административного регламента ФСБ России⁸ руководители органов и подразделений ФСБ России в соответствии с полномочиями, определенными в Регламенте, положениях о подразделениях ФСБ России, а также на основании поручений вышестоящих должностных лиц ФСБ России в целях обеспечения законности:

- 1) обеспечивают выполнение возложенных функций и задач;
- 2) создают условия для исполнительской дисциплины посредством определения должностных обязанностей непосредственно подчиненных должностных лиц;
- 3) взаимодействуют в рамках решения поставленных задач и реализации функций с другими подразделениями ФСБ России, а также подразделениями иных органов государственной власти;
- 4) осуществляют в пределах своей компетенции нормотворчество и правотворчество, способной восполнить существующие пробелы и исправить выявленные коллизии в праве;
- 5) осуществляют непосредственное руководство и несут персональную ответственность;
- 6) выявляют факты нарушения законности и своевременно их устраняют;
- 7) принимают меры по восстановлению нарушенных прав и законных интересов;
- 8) привлекают к установленной ответственности виновных в нарушении законности;
- 9) принимают необходимые меры, обеспечивающие недопущение впредь отклонений от требований законности.

В рамках деятельности по обеспечению законности руководителем (как фактическим, так и вышестоящим) органа управления ФСБ России осуществляется контроль, как непосредственно, так и по поручению компетентных должностных лиц, или специально учрежденных подразделений в составе органов управления. Данный контроль, посредством иерархичности системы органов ФСБ России, является централизованным, то есть основанным на подчинении нижестоящих должностных лиц вышестоящим (ст. 5 Закона о ФСБ России). В рамках контроля по обеспечению законности в органах ФСБ России осуществляется:

- 1) проверка исполнения подчиненными Конституции РФ, федерального законодательства, указов Президента РФ, приказов ФСБ России;

2) проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина;

3) проверка правильного ведения документооборота и делопроизводства, отчетности;

4) проверка правильности и последовательности действий подчиненных должностных лиц при осуществлении поставленных задач;

5) проверка соблюдения специальных режимов деятельности;

6) проверка соблюдения подчиненными служебной этики и должностного поведения;

7) проверка выполнения запланированных заданий;

8) проверка использования и сохранности материальных и иных ресурсов;

9) выявление потенциальных фактов возникновения конфликта интересов у подчиненных и пресечение их.

В целях реализации мероприятий контроля по обеспечению законности руководитель вправе запрашивать соответствующую документацию (с учетом доступа к государственной тайне), отчеты, справки, рапорты, проводить служебные проверки и расследования, направленные на исследование обстоятельств дел, послуживших основанием для их инициирования, а также создавать различные (постоянные и временные) комиссии для реализации данной деятельности, в том числе, при возможности, с привлечением представителей общественности.

В итоге, согласно Регламенту ФСБ России, непосредственная обязанность по исполнению законов, укреплению дисциплины, а также непосредственному обеспечению законности возлагается на органы управления ФСБ России, а также руководителей (начальников) соответствующих подразделений.

Руководитель несет личную ответственность за все стороны жизни и деятельности вверенного ему подразделения. Именно руководителям принадлежит ведущая роль за исполнением законов и подзаконных актов в органах ФСБ России и тем самым контролируют обеспечение законности. В этих целях они наделяются необходимыми государственно-властными полномочиями, посредством которых способны выявлять и пресекать факты нарушения законности, устранять последствия этих нарушений, применять предварительные, текущие и последующие дисциплинирующие меры в отношении подчиненных им органов (подразделений) и должностных лиц.

В данном ключе контроль руководителей во вверенных им подразделениях обусловлен их положением как органов управления, действующих на основе полного единоначалия и персональной ответственности.

⁸ Российская газета. 2008. № 213.

Литература

1. Громыко С.С. Обеспечение законности и дисциплины в деятельности органов исполнительной власти: административно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Громыко. СПб., 2003. 242 с.
2. Гудков А.И. Законность (принципы законности) в условиях реформирования России / А.И. Гудков // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 194–197.

3. Демидов В.В. Законность в современном российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Демидов. Н. Новгород, 2004. 169 с.
4. Законность в Российской Федерации / под ред. Ю. А. Тихомирова. М. : Спарк, 1998. 215 с.
5. Зиновьева М.Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Ю. Зиновьева. Саратов, 1999. 28 с.
6. Ларинбаева И.И. Принцип равноправия в правовом государстве / И.И. Ларинбаева // Международный академический вестник. 2015. № 3. С. 63–65.
7. Пчелинцев С.С. Реализация принципа законности на государственной службе в контексте правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Пчелинцев. М., 2010. 24 с.
8. Тагизаде А.Д. Принцип законности в контексте развития и функционирования правового государства: философско-правовые аспекты / А.Д. Тагизаде // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 147–159.

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СОПРОВОЖДЕНИЯ) ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ С УЧАСТИЕМ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ*

*Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор,
полковник юстиции запаса
stass1964@gmail.com*

В статье анализируется понятие и содержание правовой экспертизы проектов документов, которые готовятся в области договорной работы с участием воинских частей.

Ключевые слова: договорная работа, государственные нужды, правовая экспертиза, юридическая служба.

Legal Examination as an Element of Legal Coverage (Support) of Contractual Work Involving Participation of Military Units

*Kharitonov Stanislav S.
Candidate of Legal Sciences
Professor
Retired Colonel of Justice*

The article analyzes the concept and content of legal expertise of draft documents that are prepared in the field of contractual work involving military units.

Keywords: contract work, state needs, legal expertise, legal service.

Одним из направлений правовой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации в целом и в Минобороны России, органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях и ор-

ганизациях Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — воинские части), в частности, является проведение правовой работы при организации и ведении договорной работы в воинских частях (п. 3 На-

* Рецензент — Туганов Ю.Н., Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

ставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 03.12.2015 № 717 (далее — Наставление по правовой работе).

Подразделения (должностные лица) юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — юридическая служба) как один из субъектов правовой работы, перечисленных в п. 1 Наставления по правовой работе, предназначены для правового обеспечения деятельности Минобороны России, региональных (территориальных) органов и воинских частей.

Одна из основных задач, возлагаемых на юридическую службу, исчерпывающий перечень которых определен п. 7 Положения о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Приказом Министра обороны Российской Федерации от 14.11.2017 № 700 (далее — Положение о юридической службе), — правовое сопровождение мероприятий, проводимых при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд (договорной работы).

Для понимания сущности правового сопровождения договорной работы целесообразно кратко охарактеризовать ее особенности применительно к воинским частям с учетом значительной научной проработки военными учеными-юристами проблем заключения и исполнения договоров с участием воинских частей¹.

Договорную работу в воинских частях можно рассматривать как совокупность юридически властных действий должностных лиц воинских частей, направленных на возникновение, изменение или прекращение правовых отношений в целях решения задач боевой готовности воинских частей посредством сопровождения мероприятий, проводимых при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд.

Нацеленность договорной работы в воинских частях на проведение мероприятий, обеспечивающих поддержание боевой готовности, отличает ее от договорной работы в коммерческих организациях.

Следует согласиться, что целью договорной работы в коммерческих организациях является достижение с помощью договорных инструментов и иных правовых средств максимальной экономической эф-

фективности хозяйственной деятельности организации².

Содержание договорной работы с участием воинских частей образуют санкционированные нормативными правовыми актами действия должностных лиц воинских частей по формированию и реализации договорных связей на рынке публичных закупок товаров (включая работы и услуги) для обеспечения государственных нужд.

Представляется, что цель, содержание и методы договорной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации характеризуют ее как разновидность управления. Она направлена на упорядочение, регулирование договорных отношений воинских частей с их контрагентами, на организацию их внутренней деятельности с учетом необходимости исполнения договорных обязательств³.

С учетом важного различия договорной работы в коммерческих организациях и в воинских частях можно предположить, что и правовое сопровождение мероприятий, проводимых юридической службой при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд (договорной работы), будет производным от цели договорной работы в воинских частях.

При этом необходимо отметить, что содержание договорной работы с участием воинских частей динамично и характеризуется нередкими существенными изменениями действующего законодательства, что требует высокого качества правового обеспечения всех без исключения этапов договорной работы⁴.

В соответствии с п. 8 Положения о юридической службе в целях выполнения указанной выше задачи одной из функций, осуществляемой юридической службой, является проведение правовой экспертизы проектов конкурсной документации, документации об аукционе, извещений о проведении запроса котировок и запроса предложений, проектов договоров, государственных контрактов и дополнительных соглашений к ним, подготавливаемых для осуществления закупок.

Обязанность проведения правовой экспертизы перечисленных материалов, подготавливаемых для осуществления закупок для государственных нужд, согласно п. 21 Положения о юридической службе, вменена начальнику регионального управления правового обеспечения (начальнику юридической служ-

¹ См., например, последние по времени написания научные работы: Свиных Е.А. Закупки товаров, работ и услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства: правовые аспекты: монография. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2015; Его же. Правовое регулирование закупок организациями оборонно-промышленного комплекса товаров, работ и услуг для выполнения государственного оборонного заказа // Военно-юридический журн. 2014. № 8. С. 20–23; Его же. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации) // Там же. 2014. № 7. С. 3–7.

² О договорной работе в коммерческих организациях см.: Цветков И.В. Договорная работа: учебник. М.: Проспект, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Харитонов С.С. Организационно-правовые основы договорной работы в воинской части: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. М., 2000.

⁴ См., например: Постановление Правительства РФ от 27.11.2017 № 1428 (в ред. от 06.12.2017) «Об особенностях осуществления закупки для нужд обороны страны и безопасности государства», согласно которому все конкурсы по закупкам Минобороны, ФСБ и СВР России до 1 июля 2018 г. будут закрытыми, т.е. поставщики будут определяться на закрытых конкурсах.

бы военного округа), который исполняет обязанности, определенные уставом регионального управления правового обеспечения, должностной инструкцией и Положением о юридической службе.

Отметим, что проведение правовой экспертизы перечисленных в п. 8 Положения о юридической службе материалов применительно к закупкам не закреплено в обязанностях начальников юридических служб видов (родов войск) Вооруженных Сил Российской Федерации, руководителей подразделений (должностных лиц) юридических служб центральных органов военного управления.

В настоящее время нормативно не определено содержание правовой экспертизы документов, относящихся к закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд.

Не дано определения в целом правовой экспертизы и в нормативных правовых актах Минобороны России. Ранее под правовой экспертизой понималось определение в установленном порядке соответствия представленных проектов документов международным обязательствам Российской Федерации, действующему законодательству Российской Федерации, а также принятие мер в пределах своих полномочий по устранению выявленных нарушений (п. 7 Положения о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Приказом министра обороны Российской Федерации от 21.03.1998 № 100). В связи с изданием нового Положения о юридической службе названный приказ признан утратившим силу. При этом, несмотря на неоднократно используемое в новом Положении о юридической службе словосочетание «правовая экспертиза», легальная дефиниция этого понятия, как указано выше, не приводится.

Как положительный пример определения понятия «правовая экспертиза» необходимо привести содержание п. 18 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 08.12.2017 № 524: правовая экспертиза представляет собой исследование проектов правовых актов и иных документов, разрабатываемых в войсках национальной гвардии, на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, актам Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативным правовым актам Росгвардии. При этом отмечено, что правовая экспертиза проводится правовыми подразделениями, а под иными документами, в соответствии с п. 19 указанного Наставления, понимаются, в частности, проекты государственных контрактов в составе документации о закупке, а также государственных контрактов (гражданско-правовых договоров), заключаемых с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

В общепринятом, бытовом понимании правовая экспертиза — это установление соответствия документов или отдельных их частей действующему законодательству и целям, которые ставились при создании и подписании этих документов. Правовую экспертизу проводит квалифицированный эксперт в области права и юриспруденции — практикующий юрист или ученый.

В п. 26 Наставления по правовой работе применительно к приказам (директивам) командира (начальника) перечислено, что включает в себя правовая экспертиза. Аналогичные требования к содержанию правовой экспертизы содержатся в п. 36 Инструкции по подготовке и представлению на подпись проектов правовых актов Министерства обороны Российской Федерации, утвержденной Приказом министра обороны Российской Федерации от 10.12.2014 № 888.

В связи с отсутствием легитимного определения понятия «правовая экспертиза» в Минобороны России тем более трудно определить с понятием правовой экспертизы материалов, подготавливаемых для осуществления закупок для государственных нужд; например, правовой экспертизы проектов договоров, государственных контрактов и дополнительных соглашений к ним, подготавливаемых для осуществления закупок.

К сожалению, в открытых источниках не удалось найти нормативного закрепления понятия правовой экспертизы применительно к материалам, разрабатываемым в процессе договорной работы, и нормативно закреплённой методики осуществления правовой экспертизы документов, подготовка которых происходит в процессе публичных закупок.

Единственным исключением стал Порядок проведения правовой экспертизы документов, поступающих в юридический отдел территориального органа Федерального казначейства, утвержденный Приказом Казначейства России от 17.12.2013 г. № 297 (с последующими изменениями). В разд. IV и V указанного Порядка изложены методики правовой экспертизы проектов государственных контрактов (договоров, соглашений) и проектов извещений, документации об осуществлении закупок товаров, работ, услуг.

Представляется, что данные методики правовой экспертизы соответствующих материалов применимы и к отношениям, возникающим в рамках договорной работы с участием воинских частей.

Следует отметить, что в настоящее время военными учеными-юристами предложены обоснованные методики проведения правовой экспертизы материалов в сфере договорной работы с участием воинских частей⁵.

⁵ См., например: Корякин В.М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 66–75; Паскарь С.В. Правовая экспертиза в госзакупках: методика проведения в военных организациях // Военное право. 2015. № 3. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/5874> (дата обращения: 12.12.2017); Еро же. Некоторые

Представляется, что легитимизация понятия «правовая экспертиза» в нормативных актах Минобороны России, юридическая ясность с методической основой правовой экспертизы конкурсной документации позволит упорядочить работу военных юристов по правовому обеспечению договорной работы в воинских частях.

подходы к формированию методики проведения правовой экспертизы в публичных закупках // Публичные закупки: проблемы правоприменения: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (9 июня 2015 г., МГУ имени М.В. Ломоносова). М. : Юстицинформ, 2015.

Резюмируя, констатируем, что «дружелюбная» (простая, понятная и методически обеспеченная) нормативная база является приоритетным направлением развития и повышения эффективности договорной работы с участием воинских частей. Однако в условиях ее фрагментарности и изменчивости как никогда важны уровень профессионализма работников юридических служб воинских частей, наличие у них необходимых компетенций для выполнения предусмотренных функций правового обеспечения (сопровождения) договорной работы с участием воинских частей, важнейшим элементом которого является правовая экспертиза соответствующих документов.

Литература

1. Корякин В.М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд / В.М. Корякин // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 66–74.
2. Паскарь С.В. Правовая экспертиза в госзакупках: методика проведения в военных организациях / С.В. Паскарь // Военное право. 2015. № 3. С. 221–237. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/5874> (дата обращения: 12.12.2017).
3. Свиных Е.А. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации) / Е.А. Свиных // Военно-юридический журнал. 2014. № 7. С. 3–7.
4. Свиных Е.А. Закупки товаров, работ и услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства: правовые аспекты: монография / Е.А. Свиных. М. : Изд-во МПИ ФСБ России, 2015. 247 с.
5. Свиных Е.А. Правовое регулирование закупок организациями оборонно-промышленного комплекса товаров, работ и услуг для выполнения государственного оборонного заказа / Е.А. Свиных // Военно-юридический журнал. 2014. № 8. С. 20–23.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ФРАНЦУЗСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА, ИНТЕРНИРОВАННОГО В РОССИЮ В 1734 Г.

*Познахирев Виталий Витальевич,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Смоляного института Российской академии образования,
кандидат исторических наук
vvkr@list.ru*

В статье реконструируются некоторые юридические аспекты одного из центральных событий Войны за польское наследство 1733–1735 гг.: капитуляции близ Данцига и последующего интернирования в Россию в июне 1734 г. французского экспедиционного корпуса под командованием бригадира Ламотта де Ла Пейруза. Автор освещает причины противоречий, возникших между Парижем и Петербургом в ходе борьбы за польский престол; анализирует как нормы капитуляции, заключенной бригадиром Ламоттом и генерал-фельдмаршалом Б.Х. Минихом, так и последующие действия российского политического руководства; аргументировано доказывает, что утвердившийся в историографии взгляд на личный состав корпуса как на «военнопленных» не соответствует действительности ни по форме, ни по существу. По мнению автора, правовой статус французских на всем протяжении их пребывания в России (с июня по октябрь 1734 г.) носил исключительный характер и соответствовал, скорее, статусу «привилегированных заложников». Автор также считает, что проделанная им работа позволяет существенно расширить наши представления о логике и механизмах развития франко-русских отношений на исходе первой трети XVIII столетия.

Ключевые слова: императрица Анна Иоанновна, бригадир Ламотт де Ла Пейруз, военнопленные, генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних, Кабинет Министров, капитуляция, Людовик XV, «привилегированные заложники», репатриация.

Peculiarities of the Legal Status of Military Service Men of the French Expeditionary Corps Interned in Russia in 1734

*Poznakhirev Vitaly V.
Assistant Professor of the Department of the Humanities
of the Smolny Institute of the Russian Academy of Education
Candidate of Historical Sciences*

This article reconstructs some legal aspects of one of the central events of the War of the Polish Succession 1733–1735: capitulation near Danzig and the subsequent internment in Russia of the French expeditionary corps under command of Brigadier La Motte de La Perouse in June 1734. The author outlines the controversy that arose during the struggle for the Polish throne between Paris and St. Petersburg; analyzes and rules of capitulation that concluded Brigadier Lamotte and General-Field Marshal B.H. Munich, and follow-up actions by the Russian political leadership; convincingly proves that confirmed in the historiography point of view personnel of the corps as «prisoners of war» is not true, either in form or in substance. According to the author, the legal status of the French throughout their staying in Russia (from June to October 1734), were exceptional and more consistent with the legal status provided for “privileged hostages”. The author also considers that his study provides broaden our understanding about the logic and the mechanics of development of Franco-Russian relations at the end of the first third of 18th century.

Keywords: Empress Anna Ioannovna, prisoners of war, Brigadier La Motte de La Perouse, General-Field Marshal B.H. Munich, the Cabinet of Ministers, capitulation, Louis XV, “preferred hostages”, repatriation.

Научные дискуссии вокруг юридического статуса лиц тех или иных категорий являются в наши дни

одним из приоритетных направлений отечественных историко-правовых исследований, о чем свиде-

тельствуют работы В.А. Воропанова, О.Б. Квачадзе, Е.С. Смирновой и многих других авторов¹. В то же время статус военнослужащих французского экспедиционного корпуса, интернированного в Россию в 1734 г., никогда не привлекал к себе внимания специалистов ни в области военной истории, ни истории права.

В значительной степени это связано с тем, что, по утвердившемуся в науке мнению, названные лица считаются «военнопленными»². Однако согласиться с данным подходом мешает уже то обстоятельство, что ни в одном источнике, датированном 1734 г. (как опубликованном, так и неопубликованном), мы не обнаруживаем — применительно к этим людям — ни самого слова «плен», ни каких-либо производных от такового («пленники», «полоняники» и т.п.), ни даже его синонимов, присущих первой половине XVIII в. («невольники», «арестанты» и пр.). Более того, тщательный анализ интересующих нас материалов неопровержимо указывает на то, что «военнопленными» французы стали... не ранее середины XIX столетия, ибо соответствующий термин встречается лишь в заголовках и кратких аннотациях к описям архивных документов, а равно актам, опубликованным в Полном собрании законов Российской империи и Сборниках русского исторического общества³.

Для того чтобы установить истину, необходимо, видимо, вспомнить, что в 1733 г. русско-французские отношения серьезно обострились вследствие выборов в Речи Посполитой нового короля, а вернее — вследствие того, что Париж и Петербург поддерживали разных претендентов на польский престол (Станислава Лещинского и Фридриха Августа соответственно). И хотя обе стороны тогда воздержались от формального объявления войны и, как правило, проявляли по отношению друг к другу заметную сдержанность, отдельные их действия носили, мягко говоря, недружественный характер. В частности, в мае 1734 г. французы захватили в Балтийском море три российских галиота («Гогланд», «Лоцман» и «Керс-Макер»), а также фрегат «Митау» с экипажем около 300 чел. Русские в ответ блокировали на одном из

островов в устье Вислы французский экспедиционный корпус (до 2 400 чел.) под командованием бригадира Ламотта де Ла Пейруза и 11 июня 1734 г. принудили его капитулировать.

По условиям капитуляции, подписанной бригадиром Ламоттом и Командующим русской армией генерал-фельдмаршалом Б.Х. Минихом, французы сохраняли за собой все свое имущество, как личное, так и казенное, включая оружие и боеприпасы к нему, и подлежали перевозке «на наших кораблях и на нашем иждивении и корму к одному (в договоре конкретно не указанному. — В.П.) порту Балтийского моря», откуда они уже могли бы беспрепятственно вернуться на родину⁴. В тот же день (11 июня 1734 г.) Б.Х. Миних направил копию названного соглашения главному командиру Кронштадтского порта адмиралу Томасу Гордону, предписав тому всех французов «по силе сочиненной с ними капитуляции, на наш флот чтоб немедленно посадить и отвезти к шведскому порту, который поблизости от нашего находится и во всем с ними так поступать, как в капитуляциях изображено»⁵.

От выполнения данного требования Т. Гордон уклонился, сославшись на то, что капитуляцию он лично ни с кем не заключал, Б.Х. Миниху не подчинен и, главное, имеет повеление императрицы Анны Иоанновны доставить французов не в шведский порт, а в Кронштадт. Последнее адмирал в точности исполнил к 1 июля 1734 г.⁶, а спустя пять дней приглашенный в Петербург бригадир Ламотт получил Декларацию Кабинета Министров, подписанную вице-канцлером А.И. Остерманом и предназначенную для передачи Людовику XV. Суть документа заключалась в том, что присланные на помощь С. Лещинскому «французские войска будут на границе удержаны до того времени, пока российские суда, взятые в Балтийском море французскою эскадрою, не будут возвращены России»⁷.

В Декларации перечислялись все нарушения Парижем обычных норм международного права; подчеркивалось, что Петербург вынужден действовать на основе принципа взаимности; гарантировалось, что до убытия французов на родину с ними будет «поступлено приличным званием каждому образом», что на протяжении этого времени российские власти «будут иметь все нужное попечение об их содержании и пропитании так, как о том будет обстоятельнее договорено с командующим ими офицером», т.е. с Ламоттом, и что для ускорения репатриации французам «отведено будет удобное соседственное место Балтийского моря, откуда бы они могли быть тотчас посажены на суда для возвращения во Францию, причем будет

¹ Воропанов В.А. Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II // История государства и права. 2012. № 20. С. 41–45; Квачадзе О.Б. Правовой статус личности в Средневековом городском праве и его влияние на развитие Западной цивилизации // История государства и права. 2008. № 15. С. 34–37; Смирнова Е.С. Некоторые вопросы регулирования правового статуса иностранцев в Древнем Риме // История государства и права. 2005. № 5. С. 8–12.

² См., например: Епатко А.Ю. Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней. М.: Центрполиграф, 2013. С. 166–171; Черкасов П.П. Яблоко раздора: Первая военная стычка России и Франции // Родина. 2004. № 4. С. 44–45.

³ См., например: Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. первое. Т. IX. № 6597, 6604; Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Ч. 3. (1734 г.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 108. Юрьев: Тип. Императ. ун-та, 1900. С. 282.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 3. Д. 67. Л. 231.

⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. VII. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1879. С. 611–612.

⁶ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 258.

⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 71. Л. 165об.–166.

им показано всякое облегчение и подано все нужное вспоможение»⁸.

По мнению члена-корреспондента РАН и одного из наиболее известных современных специалистов в области истории франко-русских отношений XVIII–XX вв. П.П. Черкасова, задерживая экспедиционный корпус в России, «Анна Иоанновна и вице-канцлер граф А.И. Остерман ссылались на то, что французы захватили русские корабли в Балтийском море. Но это был, скорее, предлог. Истинная же причина состояла в том, чтобы попытаться найти среди военнопленных нужных «мастеровых людей» и склонить их остаться в России — если не навсегда, то на продолжительное время. Именно эту задачу императрица поставила перед флотским капитаном (очевидно, «флота капитаном». — В.П.) Полянским»⁹.

Если мы правильно понимаем члена-корреспондента РАН, российское политическое руководство готово было «махнуть рукой» на 300 собственных подданных и четыре своих военных корабля (включая фрегат) только ради того, чтобы «попытаться» найти среди *возможных* иностранных дезертиров *неопределенное количество* ремесленников далеко *не самой высокой квалификации* (иначе они не подались бы в солдаты), готовых поработать в России хотя бы *временно...* (Мы не считаем нужным полемизировать по этому поводу с П.П. Черкасовым, поскольку высказанная им гипотеза легко опровергается уже тем, что соответствующая Инструкция для флота капитана (или, выражаясь современной терминологией, «капитана 1 ранга») А.И. Полянского была подписана 23 июля 1734 г., а в пункт интернирования французов (крепость Копорье) он прибыл и того позже¹⁰. В то же время окончательное решение об удержании личного состава экспедиционного корпуса в России было принято задолго до названной даты — не позднее 2 июля¹¹. Не лишним будет также заметить, сама миссия названного офицера окончилась тем, чем и должна была окончиться — от возвращения на родину отказалось лишь 14 французов, 11 из которых пожелали поступить на русскую военную службу и только трое решили остаться в России именно в качестве «мастеровых»¹².)

Все изложенное выше вплотную подводит нас к самому главному вопросу: являлись ли французы военнопленными?

Мы даем на этот вопрос категорически отрицательный ответ и аргументируем свою позицию следующим:

1. По общему правилу ограничение свободы военнопленного имеет своей главной целью не допустить его дальнейшего участия в боевых действиях. Ограни-

чивая свободу военнослужащих французского экспедиционного корпуса, Россия преследовала совершенно иную цель — принудить правительство Людовика XV совершить определенные действия (вернуть на родину российские корабли и их экипажи).

2. Как уже упоминалось нами ранее, в 1734 г. применительно к военнослужащим экспедиционного корпуса термин «плен» и любые производные от него ни разу не были использованы ни в одном официальном источнике, включая внутриведомственную, межведомственную и межгосударственную переписку. Во всех без исключения документах они определяются как французы, «отдавшиеся в наши руки», «приходившие на сикурс», «на корабли посаженные», «обретающиеся в Копорье» и т.п.¹³ Нельзя также не заметить, что в российских организационно-распорядительных актах, принимаемых в начальный период практически каждой войны XVIII столетия, вполне традиционной являлась ссылка на опыт предыдущего вооруженного конфликта, например: «содержать их (пруссских военнопленных. — В.П.) во всем на таком основании, как прежде сего с шведскими пленными поступаемо было»¹⁴. Однако ни в одном документе, касающемся французов, подобной ссылки нет. Да и сами они «в пример» никому и никогда не ставились.

3. Решение всех вопросов, связанных с размещением, обеспечением и защитой прав французов, изначально взял на себя Кабинет Министров, практически полностью устранивший от этой деятельности и Правительствующий Сенат, и Военную коллегию, и даже Коллегию иностранных дел, что выглядело совсем нетипичным для той системы военного плена, которая существовала в России на протяжении XVIII столетия.

4. Весь личный состав экспедиционного корпуса был расквартирован в одном населенном пункте (сначала в Копорье, а с 1 сентября 1734 г. — в Нарве), расположенном, к тому же, фактически на границе. В то же время «настоящие» военнопленные, как правило, направлялись вглубь страны, как можно дальше от линии боевого соприкосновения воюющих сторон. Кроме того, в целях безопасности их распределяли по разным населенным пунктам. Например, в период Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. османы интернировались в Великие Луки, Владимир, Вологду, Кострому, Нижний Новгород, Псков, Ярославль и прилегающие к ним города. В ходе Русско-шведской войны 1741–1743 гг. пленные направлялись в Казань, Коломну, Москву, Серпухов и Симбирск, а в процессе Семилетней войны 1756–1763 гг. — в Астрахань, Казань, Москву, Оренбург, Ярославль и т.д.

5. Если пленные офицеры обычно отделялись от нижних чинов и, за немногими исключениями, лишались в отношении последних своих управленче-

⁸ ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. IX. № 6597.

⁹ Черкасов П.П. Указ соч. С. 45.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.

¹¹ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 259, 293, 297.

¹² РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 71. Л. 169, 190, 316.

¹³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 230. Оп. 1. Д. 2. Л. 112; Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 250–251, 253–254, 259.

¹⁴ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 90. Л. 379.

ских функций, то французские офицеры не только были оставлены со своими подчиненными, но Кабинет Министров потребовал от них, чтобы они «над теми своими французами сами прилежное смотрение имели, и по состоянию, ежели от кого произойдет какое преступление, наказывали»¹⁵.

6. Помимо провианта «в натуре», французы из числа лиц рядового состава ежедневно получали от российской казны на свое содержание 5 коп., т.е. сумму для военнопленного совершенно немыслимую¹⁶. (Для сравнения заметим, что пленным полякам в 1734 г. выдавалось по 3 коп. в сутки, туркам в 1735–1739 гг. — 2 коп., а шведам в 1741–1743 гг. и того меньше — 1 ½ коп.).

7. Принцип «взаимности», обычно учитываемый при выработке порядка и правил содержания военнопленных той или иной государственной принадлежности, на военнопленных экспедиционного корпуса почему-то не распространялся. Например, донесение российского полномочного министра в Дании К.Х. фон Бракеля от 5 сентября 1734 г. о приеме им возвращаемого французами фрегата «Митау» и его экипажа содержало сведения о том, что россияне «ограблены и обобраны» и в период пребывания во Франции «плохо трактваны». Однако на положении находившихся в России французов эта информация никак не отразилась¹⁷.

8. 23 июля Кабинет Министров установил непосредственно для французов курс иностранных валют, предписав имеющиеся при них «золотые, а именно германские, венгерские и голландские дукаты, перемешать за каждый на наши деньги по 2 рубля, а которые лучше — то по 2 рубля по 10 коп.»¹⁸, хотя ни до, ни после названной даты органы государственного управления никогда не снисходили до подобных мелочей, считая данный вопрос предметом исключительно частной сделки самого пленника.

9. В отличие от всех военнопленных, содержащихся в России в первой половине XVIII в., французы не были связаны круговой порукой, обязывающей их воздерживаться от побегов и от пересылки корреспонденции в обход цензуры.

10. Если пленные шведы, турки и пруссаки более или менее регулярно привлекались к принудительным работам, то в отношении французов данный вопрос даже не ставился.

Помимо перечисленного выше, нельзя не обратить внимания и на иные факты, свидетельствующие об особенном отношении российских властей к интернированным французам. В частности, продукты питания для них поставлялись из дворцовых мыз, а при желании они могли закупать их и в самой столице; медикаменты, постельные принадлежности и белье, в которых нуждались больные, направлялись из Петербурга «без умедления» и в нужном количестве;

отводимые французам жилые помещения ремонтировались в первоочередном порядке; из палаточного лагеря в Копорье они были переведены «для наступающего осеннего времени» на зимние квартиры в Нарву уже 1 сентября (чему, кстати, вполне могли позавидовать и наши собственные войска)¹⁹.

Французским офицерам изначально были оставлены шпаги. Правда, не все из них сумели по достоинству оценить данный жест. Так, 10 августа 1734 г. два лейтенанта, приведя себя в состояние алкогольного опьянения, «к копорскому жителю в окошко и в ворота ломались, и шпагою кололи фурьера и на караульных солдат бросались колоть»²⁰. Характерно, что данная выходка была расценена как мелкая шалость, достойная разве что содержания на гауптвахте. Для сравнения заметим, что 5 лет спустя несколько пленных янычар, расквартированных в г. Парфеньев Архангелогородской губернии, поплатились своими головами (в полном смысле этого слова) лишь за то, что *готовили* побег, который *мог быть* сопряжен с посягательством на жизнь личного состава караула²¹.

Наконец, необходимо иметь в виду, что подготовка к отправке экспедиционного корпуса на родину началась сразу же после возвращения в Кронштадт фрегата «Митау», в октябре 1734 г. Одновременно французам были возвращены знамена, оружие и иное казенное имущество, которое все это время содержалось «в надлежащем бережении»²². (24 октября 1734 г. личный состав Корпуса убыл из Нарвы в Копенгаген на шести зафрахтованных для этой цели коммерческих судах.)

Анализируя и сопоставляя все изложенное, мы приходим к следующим выводам:

1. Статус личного состава французского экспедиционного корпуса, интернированного в Россию в 1734 г., носил исключительный характер и соответствовал, скорее, статусу «привилегированных заложников», но уж никак не «военнопленных».

2. Надеясь французских военнопленных подобным статусом, Петербург стремился, с одной стороны, поддержать авторитет страны на международной арене, добиться соблюдения прав и законных интересов как самого российского государства, так и его подданных, а с другой, всемерно избежать дальнейшего углубления политической конфронтации с Францией.

3. Прделанная работа позволяет не только уточнить правовое положение группы французских военнопленных, находившихся в России в 1734 г., но и, что не менее важно, расширить наши представления о логике и механизмах развития франко-русских отношений на исходе первой трети XVIII столетия.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. IX. № 6604.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. VII. ... С. 618.

¹⁸ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 283.

¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. IX. № 6604; Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 280, 297, 305–306, 317–318, 328–329, 332–333, 336.

²⁰ Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 320, 335.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 410. Л. 216об.

²² РГА ВМФ. Ф. 212. 1734 г. Д. 21. Л. 7, 23, 326об.; Ф. 230. Оп. 1. Д. 2. Л. 113; Бумаги кабинета министров императрицы Анны Иоанновны... С. 337.

Литература

1. Воропанов В.А. Правовое регулирование статуса судей и судебных представителей в законодательстве Екатерины II / В.А. Воропанов // История государства и права. 2012. № 20. С. 41–45.
2. Епатко А.Ю. Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней / А.Ю. Епатко. М. : Центрполиграф, 2013. 571 с.
3. Квачадзе О.Б. Правовой статус личности в Средневековом городском праве и его влияние на развитие Западной цивилизации / О.Б. Квачадзе // История государства и права. 2008. № 15. С. 34–37.
4. Смирнова Е.С. Некоторые вопросы регулирования правового статуса иностранцев в Древнем Риме / Е.С. Смирнова // История государства и права. 2005. № 5. С. 8–12.
5. Черкасов П.П. Яблоко раздора: Первая военная стычка России и Франции / П.П. Черкасов // Родина. 2004. № 4. С. 44–45.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО ПРОБЛЕМЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*Гуриц Сергей Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры кадровой,
воспитательной и психологической работы в УИС
Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России
sergeygurits@mail.ru*

*Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
профессор Челябинского института экономики и права имени М.В. Ладощина,
доктор юридических наук, профессор
abdulzhabar@mail.ru*

В статье раскрываются проблемы, связанные с системой международной и национальной подсудности военнопленных. Система подсудности включает международный суд и международный военный трибунал, суды общей юрисдикции и военный трибунал государства. Данная система подсудности соответствует стандартам обращения с военнопленными на основе норм международного гуманитарного права. Целью работы является характеристика процесса осуществления применения юрисдикции судов национальных и международных в отношении военных преступников. В качестве основного субъекта подсудности выступают иностранные военнопленные времен Второй мировой войны, содержащиеся в Советском Союзе. В статье дается ретроспективный анализ деятельности международного суда и международного военного трибунала. Исследование характеризует национальную юстицию в виде военных трибуналов. Авторы указывают на специфику рассмотрения дел в судах военного трибунала СССР. В качестве исторических рамок взят период второй половины XX века — начала XXI века. Основными методами исследования применены исторический и сравнительно-правовой подходы. Исследование осуществляет сравнение международной и национальной юстиции в отношении иностранных военнопленных. Основными параметрами сравнения являются доказательственная база судебного процесса и его субъективность. Статья показывает на необходимость развития системы международной юстиции в системе применения стандартов обращения с военнопленными.

Ключевые слова: военнопленный, международный суд, Вторая мировая война, международный военный трибунал, военный трибунал, международное гуманитарное право.

International Legal Cooperation of States on the Issue of Prisoners of War in the Second Half of the XX to the Early XXI Century

Gurits Sergey D.

Senior Lecturer of the Department of Personnel, Educational, and Psychological Work in Correctional Facilities of the Kirov IPKR of the FPS of Russia

Yunusov Abdulzhabar A.

Professor of the Chelyabinsk Institute of Economics and Law named after M.V. Ladoshin

Doctor of Law

Professor

The article reveals the problems connected with the system of international and national jurisdiction of prisoners of war. The system of jurisdiction includes the international court and the international military tribunal, the courts of general jurisdiction and the military tribunal of the state. This system of jurisdiction meets the standards of treatment of prisoners of war based on international humanitarian law. The purpose of the work is to characterize the process of implementing the jurisdiction of national and international courts against war criminals. As the main subject of jurisdiction are foreign prisoners of war of the Second World War, contained in the Soviet Union. The article gives a retrospective analysis of the activities of the international court and the international military tribunal. The study characterizes the national justice in the form of military tribunals. The authors point to the specifics of cases in the courts of the military tribunal of the USSR. As a historical framework, the period of the second half of the 20th century is the beginning of the 21st century. The main methods of research are historical and comparative legal approaches. The study compares international and national justice with respect to foreign prisoners of war. The main parameters of comparison are the evidentiary base of the judicial process and its subjectivity. The article shows the need for the development of the system of international justice in the system of application of standards for the treatment of prisoners of war.

Keywords: *a prisoner of war, International Court of Justice, World War II, International Military Tribunal, Military Tribunal, International Humanitarian Law.*

Проблема военнопленных общемировая. Количество военнопленных Второй мировой войны по приблизительным оценкам составляло свыше 35 млн военнослужащих и гражданских лиц. Многие из них не вынесли жестоких испытаний и погибли¹.

Внешним проявлением любого вооруженного конфликта является ряд негативных гуманитарных последствий, затрагивающих правовой статус военнопленных, таких как: помещение в специальные учреждения, соблюдение комплекса общечеловеческих норм и правил, обмен списками, общение с внешним миром, судебное преследование, право на обжалование и репатриацию. Перечисленные действия в отношении военнопленных должны применяться при соблюдении норм международного гуманитарного права.

Вторая мировая война завершилась более 70 лет назад, но сегодня мы видим попытки «обеления» проявлений нацизма, пересмотра результатов Второй мировой войны, судебные преследования нацистских преступников проходят через процессы реабилитации, по некоторым военным преступлениям до сих пор не применялись уголовные санкции.

¹ Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в западной Сибири: 1943–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / специальность: 07.00.02: Отечественная история. Новосибирск, 2012. С. 3.

Международно-правовое взаимодействие в области проблем содержания военнопленных — это процесс и процедуры, проводимые как непосредственно в период вооруженного конфликта, так и после его прекращения, до полного исполнения правоотношений в определенном вооруженном конфликте.

Процесс и процедуры при исполнении международно-правового сотрудничества государств по проблеме военнопленных включают правовую оценку применения международного гуманитарного права, становления органа международной юстиции, модернизации системы международного права. Рассмотрим международно-правовое сотрудничество государств по обозначенным направлениям.

Правовая оценка дается специализированным органом: судом международной судебной инстанции, актом международной организации, осуждающим или одобряющим действия стороны конфликта, также органами государства при проведении расследования и последующего судебного процесса, или актом парламентского расследования. Также видом оценки служат двусторонние или многосторонние акты расследования в рамках соглашений по вооруженному конфликту. Рассмотрим примеры правовой оценки обращения с военнопленными.

Правовая оценка затрагивает процессуальные действия особого вида международной юстиции — международного суда и трибунала. Начнем характеристику международной юстиции с Международного суда ООН. Данный суд получил на основании Статута² юрисдикцию разрешать споры между государствами и давать консультативные заключения по запросу уполномоченных учреждений.

За все время существования суда к вопросу международного гуманитарного права в области защиты прав военнопленных принял решение однажды — в 1973 г. относительно репатриации пакистанских военнопленных (дело «Пакистан против Индии»). В результате процесс репатриации завершился к середине 1974 г. Решение Международного суда от 27.06.1986 «Никарагуа против США»³ постановило, что США, поддерживая оппозицию правительству, совершили деяния, которые нарушили международно-правовые обязательства. США были признаны страной с агрессивной внешней политикой и должны были возместить ущерб своим действиям. Решение суда по Никарагуа не затрагивало вопрос военнопленных, но показало на функционирование Международного суда.

В целом оценивая работу Международного суда, авторы согласны с точкой зрения, высказанной Гнатовским Н.Н.: «Международный суд внес вклад в развитие и толкование положений международного гуманитарного права... В то же время непосредственные практические последствия такого применения не вызывают чрезмерного оптимизма, поскольку не способны обеспечить немедленное удовлетворение требований пострадавших от вооруженных конфликтов лиц или выступить решающим фактором, определяющим поведение государств и иных международных факторов в рассматриваемых Судом ситуациях»⁴.

Перейдем ко второму виду оценки содержания военнопленных, которая также относится к системе международной юстиции. Рассмотрим оценку с точки зрения международных военных трибуналов. Такая форма международной юстиции стала результатом миропорядка, созданного по итогам Второй мировой войны. Таким образом, вооруженный конфликт планетарного масштаба привел к организации такой формы судопроизводства, как международная юстиция. Целью международных военных трибуналов ставилось проведение следствия и последующее наказание военных преступников. По итогам Второй

мировой войны состоялось два военных трибунала — Нюрнбергский⁵ и Токийский⁶.

Главный результат международных военных трибуналов по итогам Второй мировой войны состоял в оценке захватнического характера ведения военных действий со стороны агрессоров и выявление актов геноцида в отношении гражданского населения и военнопленных. Другая сторона международных военных трибуналов — это исключительно однополярное решение, то есть стороны проводили следствие как победители, где не было места оценке исполнения положений международного гуманитарного права в деятельности победителей.

Кроме названных военных трибуналов по региональным вооруженным конфликтам состоялись и другие процессы: Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, Международный уголовный трибунал по Руанде. Трибунал по Югославии касается реализации именно норм международного гуманитарного права. К числу стандартов, которые были нарушены в период конфликта, трибунал отметил нарушения общепризнанных норм о защите жертв войны на основании Женевских конвенций 1949 г., а также правил ведения войны, как они отражены в Гаагских конвенциях 1907 г. и приложениях к ним, а также геноцид и преступление против человечности. Трибунал по Руанде рассматривал преступления против человечности, о нормах, отнесенных к конфликтам немеждународного характера, как они воплощены в Женевских конвенциях 1949 г. (ст. 3) и во II Дополнительном протоколе⁷ к ним 1977 г.

Прогресс в области реализации международных военных трибуналов на примере Югославии и Руанды заключался в генезисе самой формы проведения международного военного трибунала как такового, подведение итогов становления международного гуманитарного права, толкование применения норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах. Революции в наказании военных преступников и правительств агрессоров трибуналы не сделали. Для того чтобы не создавать отдельный трибунал для каждого конфликта, в 1998 г. было решено создать Международный уголовный суд, в компетенции которого находятся военные преступления, для которых определена универсальная юрисдикция. В 2002 г. договор о его создании вступил в силу⁸.

² Статут Международного суда ООН принят в Сан-Франциско 26.06.1945. URL: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 11.12.2017).

³ Решение Международного суда ООН от 27.06.1986 «Дело о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)». Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда // Издание ООН Нью Йорк. 1993. С. 190–198.

⁴ Гнатовский Н.Н. Международное гуманитарное право: насколько ограничены возможности международного правосудия? // Международное правосудие. 2013. № 2. С. 65–73.

⁵ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (рус., англ.) (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // СПС «Гарант».

⁶ Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19.01.1946) // СПС «Гарант».

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 08.06.1977 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2540377/#ixzz3CqsJHxjm> (дата обращения: 20.12.2017).

⁸ Пенькова А.С., Шищенко Е.А. Закрепление ответственности за военные преступления в международном и российском уголовном праве: история и современность // Современ-

Кроме международной юстиции и на основании положений Конвенций 1907 и 1929 гг. судебной инстанцией для военнопленных является орган суда, осуществляющий правосудие в отношении военнопленных собственной армии государства, где пребывают иностранные военнопленные. Такие трибуналы начали свое функционирование с 1943 и продолжались до 1953 гг. в СССР⁹. В результате удалось выявить и привлечь к ответственности значительное количество военных преступников. Так, с 1943 по 1952 гг. к ответственности были привлечены 25 209 иностранцев¹⁰.

Также распространены были трибуналы и судебные преследования в ФРГ¹¹ и ГДР¹² против нацистских преступников. Деятельность военных трибуналов в СССР критически исследовалась как в годы «оттепели» в отношении бывших советских граждан-военнопленных¹³, так и в годы «перестройки» как к советским гражданам, так и к иностранцам¹⁴.

Подведем итоги международно-правового сотрудничества, заключающегося в оценке деятельности органов и учреждений по содержанию военнопленных.

Оценка реализуется на международном уровне и национальном. Международный осуществляется посредством межправительственных судебных инстанций, таких как Международный суд ООН, Международный уголовный суд, Международный военный трибунал. Решения данных судов, безусловно, имеют большой опыт в наказании международных преступлений, но они имеют черты политизированности, связанной с геополитической мировой обстановкой. Наличие института международного судопроизводства — шаг вперед, но оно должно быть объективным.

Второй уровень — национальный. Положительной ролью военных трибуналов национального характера является возможность осуществления дан-

ного правосудия на основе норм международного гуманитарного права, то есть отсутствие оторванности от норм международных. Именно на основании конвенций страна получает возможность преследовать военных преступников за злодеяния периода вооруженного конфликта. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников»¹⁵.

Негативным проявлением национальных военных трибуналов является предвзятость, которая, к сожалению, не всегда подкреплена фактами. У стороны конфликта нет возможности сбора доказательств о злодеяниях другой стороны, в силу сложности получения свидетельских показаний. Зачастую единственные свидетели — жертвы, раненые или погибшие. Как правило, ни один агрессор не подтверждает факт нарушений международного гуманитарного права, уходя тем самым от ответственности. Поэтому факты для военных трибуналов получали после допросов с возможным физическим воздействием, впоследствии это являлось реабилитирующим обстоятельством при смене политического режима в ФРГ и СССР.

Таким образом, правовая оценка как форма сотрудничества по проблеме содержания военнопленных — серьезный шаг вперед, но осуществляться оно должно объективно. Также для объективности осуждения преступников должны применяться свидетельские показания незаинтересованных сторон, например, представителей международных гуманитарных миссий, работающих по согласию всех сторон конфликта. Так, например, происходит при посредничестве миссии ОБСЕ в современном конфликте на Украине.

На основании изложенного следует признать, что не существует международного документа, предусматривающего все возможные перспективные обязательства, регулируемых нормой права. Международное право развивается вслед за изменением фактических обстоятельств, стараясь «действовать на опережение»: и когда этого достичь не удается, основные субъекты имеют право на экстренные меры, не идущие вразрез с идеей сохранения международного мира и безопасности¹⁶.

Подводя итог международно-правового сотрудничества государств по проблеме военнопленных во второй половине XX века — начале XXI века, следует выделить его перспективные направления. С одной стороны, регулярная востребованность при-

ные научные исследования и разработки. 2017. № 2(10). С. 157–159.

⁹ Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период ВОВ: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 445; Кодинцев А.Я. Компетенция и деятельность военных трибуналов СССР в послевоенный период // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4. С. 38–42.

¹⁰ Пузырева Ю.В., Губернская А.А., Зимина К.И. Вопросы ответственности физических лиц за международные преступления, совершенные в период второй мировой войны // Алтайский юридический вестник. 2015. № 11. С. 44–47.

¹¹ Ледах И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М.: Юрид. лит., 1973.

¹² Платошкин Н. Н. Преследование нацистских преступников в ФРГ в 50-е годы // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 75–79.

¹³ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 29.06.1956 № 898-490с «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» // СПС «Гарант».

¹⁴ Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/10105390/#text#ixzz3g0CuOwEs>

¹⁵ Шкаревский Д.Н. К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 48–55.

¹⁶ Бахновский А.В., Бородаенко А.А. Расширительное толкование международного права в целях обеспечения мира и безопасности (на примере учреждения международных уголовных трибуналов) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 7. С. 57–60.

водит к действительности применения институтов национальной и международной юстиции в наказании за военные преступления. С другой стороны, на-

зрела необходимость и значимость эволюции системы контроля международного гуманитарного права в гуманизации военных конфликтов.

Литература

1. Бахновский А.В. Расширительное толкование международного права в целях обеспечения мира и безопасности (на примере учреждения международных уголовных трибуналов) / А.В. Бахновский, А.А. Бородаенко // Теория и практика общественного развития. 2017. № 7. С. 57–60.
2. Гнатовский Н.Н. Международное гуманитарное право: насколько ограничены возможности международного правосудия? / Н.Н. Гнатовский // Международное правосудие. 2013. № 2. С. 65–73.
3. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период ВОВ: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук / А.Е. Епифанов. М., 2001. 445 с.
4. Кодинцев А.Я. Компетентия и деятельность военных трибуналов СССР в послевоенный период / А.Я. Кодинцев // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4. С. 38–42.
5. Ледах И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ / И.А. Ледах. М.: Юрид. лит., 1973. 159 с.
6. Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в западной Сибири: 1943–1956 гг.: автореф. дис. ... докт. истор. наук / Н.М. Маркдорф. Новосибирск, 2012. 38 с.
7. Пенькова А.С., Шищенко Е.А. Закрепление ответственности за военные преступления в международном и российском уголовном праве: история и современность / А.С. Пенькова, Е.А. Шищенко // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 2(10). С. 157–159.
8. Платошкин Н.Н. Преследование нацистских преступников в ФРГ в 50-е годы / Н.Н. Платошкин // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 75–79.
9. Пузырева Ю.В. Вопросы ответственности физических лиц за международные преступления, совершенные в период второй мировой войны / Ю.В. Пузырева, А.А. Губернская, К.И. Зимина // Алтайский юридический вестник. 2015. № 11. С. 44–47.
10. Шкаревский Д.Н. К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны / Д.Н. Шкаревский // История государства и права. 2015. № 9. С. 48–55.

ИСТОРИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В ПРАВОВОМ СТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРОСОЮЗА

*Невлев Владислав Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук
no.pasaran@mail.ru*

Исследуются исторические и правовые условия становления и развития кооперации в дореволюционной России. Рассматривая в ретроспективе большое число разносторонних первоисточников, автор стремится к объективной правовой оценке заслуг российских военных в истории и теории кооперативного движения. Особо изучается роль российских военных — декабристов, сосланных в Сибирь, в организации и юридическом оформлении первых отечественных потребительских обществ. Используя артельный опыт русских народных традиций и походную практику военных действий, российские офицеры элитных гвардейских частей, а затем отправленные на каторгу революционеры, по примеру заграничных кооперативных объединений создали в суровых условиях выживания отечественный вид кооперации. Были разработаны устав, принципы деятельности, которые имели правовое утверждение царскими властями. Кооперативы, созданные на демократических принципах права, получили широкое распространение по всей России, в том числе среди военных. Они, наряду с другими лидерами кооперации, пошли дальше, создав Мо-

сковский союз потребительских обществ (Центросоюз). Исследуется правовая роль российских офицеров в его организации и становлении. Подробно освещается личная правовая заслуга военного прокурора, генерала Н.П. Гибнера в создании Центросоюза.

Ключевые слова: потребительское общество, российские военные, Центросоюз, правовое положение кооперации, Н.П. Гибнер.

Historical Participation of Russian Military Service Men in the Legal Establishment of the Moscow Central Union of Consumer Societies

Nevlev Vladislav V.

Assistant Professor of the Department of Theory and History

of State and Law of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Candidate of Legal Sciences

The article investigates historical and legal conditions of the formation and development of cooperation in pre-revolutionary Russia. Considering in retrospective a large number of different sources, the author strives for an objective legal assessment of the merits of the Russian military officers in the history and theory of the cooperative movement. Particularly attention is given to the role of the Russian military — the Decembrists, exiled to Siberia, involved in the organization and legal arrangements of the first domestic consumer societies. Using the craft experience of Russian folk traditions and field military practice, Russian officers of elite guards units, and later revolutionaries, deported to penal servitude, following the example of foreign cooperative associations, created a domestic type of cooperation in harsh conditions of survival. They established a charter, principles of activity, which were legally approved by the tsarist authorities. Cooperatives created on the democratic principles of law were widely spread throughout Russia, involving the military as well. Along with other cooperative leaders, they went further by creating the Moscow Union of Consumer Societies (Centrosoyuz). The legal role of Russian officers in its organization and formation is being studied. In Centrosoyuz creation the article highlights personal legal merits of military prosecutor, General N.P. Gibner.

Keywords: consumer society, Russian military officers, Centrosoyuz, legal status of cooperation, N.P. Gibner.

Военные России привнесли значительный вклад в историю, теорию и практику отечественного кооперативного движения. Они находились у истоков зарождения российской потребительской кооперации, способствовали формированию ее правовых основ, соединению потребностей в единый союз. Это было обусловлено следующими историческими, социально-экономическими и правовыми причинами.

Кооперативные традиции издавна присутствовали в русской армии. Походная жизнь и не менее трудная служба в мирные годы вернули к жизни «складчину» — кооперативный обычай, уходящий корнями в древнюю историю народов России. Эта традиция существовала даже в элитных гвардейских полках при царском дворе.

Как отмечает Г.М. Ефремова, «при поступлении в гвардию российским офицерам присваивались дворцовые звания и вменялась обязанность нести постоянную службу при дворе. Для этого требовалась необходимая дворцовая форма (парадная, бальная, парадное оружие и другое) только высокого качества, она заказывалась у специальных поставщиков царского двора. Кроме того, для армейской службы требовались обычные полевые мундиры, походные обмундирование, обувь, амуниция, оружие, что изготавливалось у менее дорогих поставщиков. Практическим решением данной материальной проблемы было создание собственного производства требуемых вещей, которое было организовано в виде экономи-

ческого кооперативного общества и мастерских при нем. Офицеры вносили паевой взнос на содержание и деятельность мастерских, где заказывали необходимые для службы вещи, что было намного дешевле, чем у армейских поставщиков.

Толчком к организации гвардейских экономических обществ послужила походная практика русской армии в условиях Отечественной войны 1812 г. Так, уже в 1814 г. в гвардейском Семеновском полку возникла офицерская артель, среди главных инициаторов создания которой будущий известный декабрист Иван Якушкин (капитан. — В.Н.). Из группы офицеров генерального штаба основана «Священная артель», ее активным членом стал друг А.С. Пушкина — Иван Пущин (штабс-капитан конной артиллерии. — В.Н.). Позже в сибирской ссылке Пущин и Якушкин были активными организаторами «Большой артели»¹.

Более 190 лет назад декабристов, большая часть которых были военными офицерами, после поражения восстания в 1825 г. отправили в Сибирь на каторгу. Для того чтобы элементарно выжить, они организовали в казематах Петровского завода экономическое общество «Большую артель» — первую по структуре и содержанию юридическую форму по-

¹ Ефремова Г.М. Истоки российской кооперации // Кооперация: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2011. С. 31.

требительского кооператива в России. Письменным уставом артели установлены основные правила (принципы), заложенные в устройство ее деятельности².

С.В. Никонова выявила удивительный исторический факт: те главные принципы, являющиеся основополагающими в современном международном кооперативном движении, были отражены в документе, разработанном декабристами в Забайкалье. По общему решению отечественных кооператоров, 2 марта 1831 г. — день утверждения «Большой артелью» действующего устава — был началом отсчета, с которого началась история российской кооперации.

Наряду с деятельностью «Большой артели» для оказания денежной помощи нуждающимся декабристам в 1834 г. был организован кредитный кооператив «Малая артель». «Большая артель» действовала 13 лет, ее деятельность была закончена в 1839 г. с завершением срока каторги декабристов. Кооператив «Малая артель» существовал почти полвека — в местах ссылки декабристов, позже — в Москве.

Кооперативы были организованы по правовым нормам устава, служившего первым отечественным в кооперации законом: личное участие, добровольность, демократичность, взаимопомощь. Кооперативные идеи легли в России на благоприятную социальную почву и получили широкое распространение. В 1897 г., по материалам исследования О.А. Безгиной, в России было юридически оформлено 307 потребительских обществ. В их составе — 99 городских, 56 сельских, 91 фабрично-заводских, 25 железнодорожных, 28 офицерских, 13 чиновничьих. Количество военных потребобществ было значительно большим для того периода или около десяти процентов от всего количества³.

Хотя потребительских кооперативов было значительное число, и Россия в тот период считалась одной из ведущих кооперативных стран в мире, единый централизованный орган управления кооперацией в стране не существовал. Однако правовой прецедент до этого уже был — в 60-е гг. XIX в. харьковские кооператоры хотели объединить кооперативы в союз потребительских обществ. Царское правительство отвергло их попытку, назвав объединение потребительских обществ «несвоевременным». Идея организации общероссийского кооперативного центра присутствовала у кооператоров с 1870 г. Из-за недостаточных взаимосвязей кооперативного движения и отказов правительства все организационные усилия не достигли желаемого результата.

В августе 1896 г. в Нижнем Новгороде проводилась торгово-промышленная ярмарка с одновременной промышленно-художественной выставкой. В границах ярмарки царские власти позволили коопе-

раторам организовать свое совещание. В нем принимали участие делегаты 28 потребительских обществ и 5 артелей из различных регионов России. Председателем совещания был выбран Д.С. Коробов — один из ведущих в будущем лидеров российской потребительской кооперации. Представители потребительских обществ решили тогда впервые объединиться в общий союз.

В октябре того же года было проведено в Москве очередное совещание кооператоров. Организаторами встречи были два московских потребительских общества — «Взаимная польза» (на Арбате) и «Экономическое общество офицеров» (в Кремле), руководимое военным следователем Н.П. Гибнером. В работе заседания участвовали делегаты московских и других российских потребобществ, в том числе Тверского, Тульского и Орехово-Зуевского. Инициаторы совещания определили структуру организации общероссийского союза кооператоров, обсудили возможные варианты кооперативной работы.

В ноябре третье совещание учредило организационную комиссию во главе с Н.П. Гибнером и В.И. Ануфриевым для выработки примерного положения о Московском союзе потребительских обществ. В комиссию были включены лидеры кооперации и юридически грамотные люди. Гибнер, представлявший общество офицеров, активно участвовал в подготовке проектов двух правовых кооперативных документов — Нормального устава потребительского общества и Положения о союзах учреждений мелкого кредита, обществ потребителей и промышленных товариществ⁴.

Коллектив комиссии выработал проект устава Союза, определил план его организации. В апреле 1897 г. было подано в царское правительство прошение об юридическом утверждении Положения о Московском союзе потребительских обществ (МСПО). При этом было не все однозначно, что очень беспокоило инициативную группу. С положением согласились и одобрили только делегаты 18 обществ потребителей, при этом 5 из них представляли Москву и Московскую губернию.

Два потребобщества — чиновников контрольной палаты и почтамта из Москвы, ранее присутствовали на нижегородском совещании, но по какой-то причине не голосовали за Положение. Были другие потребительские общества из московского региона, которые не приняли участие в учреждении Союза. Эти причины сподвигнули организаторов Союза к следующему шагу. Они обратились к обществам потребителей в соседних и других губерниях с просьбой поддержать создание кооперативного союза.

Чтобы узаконить в Союзе участие потребительских обществ из других губерний России, конструкторы Положения Н.П. Гибнер, В.И. Ануфриев и другие выделили задачи МСПО подобным способом: «Содествовать установлению и развитию постоянных отношений между потребительскими обществами и

² Ефремова Г.М. Указ. соч. С. 32.

³ Безгина О.А. Специфика процесса становления потребительской кооперации России во второй половине XIX века // Кооперация: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2011. С. 40.

⁴ Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. Чита: ЗИП СибУПК, 1998. С. 118.

организовать совместную деятельность тех обществ, которые по своим торговым интересам связаны с Московским промышленным регионом»⁵.

Это означало, что потребительские общества на Урале, Кавказе, в Сибири, Средней Азии, на юге и севере России, если они приобретали товары у московских фирм или фабрик, могли стать в перспективе членом МСПО. При этом создатели Московского союза и, в частности, военный следователь полковник Н.П. Гибнер прекрасно понимали, что конкретное прошение на организацию Всероссийского центрального союза потребителей было бы обязательно отвергнуто правительством по тем или иным политическим соображениям. И в этом случае царское правительство тоже не торопилось. Время рассмотрения поданного проекта заняло один год и два месяца.

МВД России наконец 16 июня 1898 г. утвердило документ — Положение о Московском союзе потребительских обществ, которое одновременно являлось его уставом и законодательным актом, позволяющим правовую деятельность. На проведенном в октябре того года учредительном собрании было избрано правление (бюро) Союза. Первыми его членами стали Н.П. Гибнер (председатель), В.И. Ануфриев (секретарь), В.А. Галицкий, С.А. Каблуков, В.А. Торгонский. Кооперативный союз, начав свою работу, не располагал ни капиталами, ни помещением. Гибнер выделил Союзу помещение — две комнаты потребобщества офицеров в Арсенале Московского Кремля.

Учредителями МСПО были пять потребобществ из Москвы и Московской губернии; 5 — с Урала; 3 — из городов Красноярск, Тверь, Уфа; 3 — из губерний Владимирской, Нижегородской, Тамбовской; по одному — из Туркестана и Украины. Потребобществ военных было три — экономические кооперативы потребителей для офицеров Московского военного округа, Первой закаспийской стрелковой бригады (Ашхабад), Одесского военного округа.

Количество офицерских потребительских обществ росло с годами. В 1900 г. к Союзу добавилось Рязанское экономическое общество офицеров, в 1905 — их было уже 38. Так как МСПО включал потребобщества из различных регионов России, то фактически с момента зарождения его стали именовать Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ).

Важная заслуга в организации Союза историей российской кооперации отводится профессиональному военному Н.П. Гибнеру. Он был первым председателем МСПО, его фактическим лидером. Вот какие удалось собрать сведения о его жизненном пути из различных научных источников и книг К.И. Вахитова, А.П. Корелина, И.А. Корякова, Л.Е. Тепловой и других ученых.

Родился Николай Петрович Гибнер (1858–1924) в Санкт-Петербурге в семье смотрителя военной гимназии, реформированной позже в военный корпус.

В них он обучался с десяти лет. Завершив обучение в корпусе офицером, принимал участие в 1877–78-х гг. в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии.

Возвратившись с войны, стал жить в Вязьме. В 1886 г. был направлен на учебу в Военно-юридическую академию. На лекциях в столичном вузе произошло первое знакомство Гибнера с кооперативными идеями. После завершения обучения в академии был направлен в Москву, где служит военным следователем и плодотворно занимается кооперативной деятельностью. Здесь он был первоначально избран в наблюдательный совет, а затем — председателем правления потребительского совета офицеров. Главным жизненным делом Гибнера-кооператора в будущем было создание Московского союза потребительских обществ — Центросоюза России⁶.

После получения разрешения на открытие МСПО он избран первым его председателем. В том же 1898 г. одновременно выдвинут председателем Всероссийского сельскохозяйственного закупочного союза (Сельхозсоюз). С этого момента широко открываются грани его организаторского таланта. Полковник Н.П. Гибнер прошел суровую школу армейской дисциплины, обладал способностью объединять людей.

Гибнер пропагандировал кооперацию на проводимых нижегородских ярмарках, бывал за границей на Всемирной выставке в Париже и Германии, где ознакомился с опытом Гамбургского кооперативного общества. Во время зарубежных поездок у него появилась идея о вступлении МСПО в Международный кооперативный альянс. Решение осуществилось в 1903 г. Тогда же МСПО начал выпускать журнал «Союз потребителей». В 1905 г. в журнале была опубликована передовая статья Гибнера «Свобода», которую вышестоящее начальство считало политически опасной. По приказу главного военного прокурора ему было предписано для продолжения службы срочно уехать в Сибирь⁷.

После возвращения уже генерал Гибнер ушел в отставку и полностью посвятил себя кооперативной работе. По просьбе сослуживцев возглавил, как в прежние времена, Московское потребительское общество офицеров, был председателем организационных комитетов по проведению Всероссийских кооперативных съездов — I-го в Москве в 1908 г., II-го — в Киеве в 1913. Публиковал журнальные статьи о кооперации, подготовил и издал книгу «Система кооперации».

В годы Первой мировой войны руководил организацией кооперативной торговли нормированными товарами в прифронтовой полосе, закупкой сельскохозяйственных продуктов для нужд армии. В 1912 г. Гибнер — один из главных учредителей Московского народного банка (МНБ), который стал кредитным центром для всех разновидностей кооперации России. Служил председателем его совета до национализации банка в конце 1918 г. советским правительством.

⁵ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 23.

⁶ Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник. М.: ИТК «Дашков и К», 2010. С. 10.

⁷ Там же. С. 14.

Он стал свидетелем гибели и других его трудов. В апреле 1918 г. в Москве было ликвидировано большинство потребительских кооперативов. Из более чем 100 потреббществ остались только два — общество «Кооперация» и Центральный рабочий кооператив. Общество офицеров тоже было закрыто, а Гибнер по сфабрикованному доносу был арестован. Попытки новых властей предъявить ему обвинения не удались, через несколько недель заключения Гибнер вышел на свободу.

Всероссийский съезд делегатов сельскохозяйственной кооперации организовал Сельскосоюз и опытного Гибнера выбрали председателем правления. В январе 1920 г. советское правительство ввело Сельскосоюз секцией в Центросоюз. Николай Петрович Гибнер прожил еще четыре года, ушел из жизни в 1924 г. Военный следователь, юрист по образованию, он всю свою творческую жизнь посвятил развитию отечественной кооперации.

Его имя навеки осталось в истории российского кооперативного движения. Генерал Н.П. Гибнер внес неоценимый вклад в развитие отечественного кооперативного процесса на рубеже XIX и XX вв., в осно-

вание первого в России кооперативного союза. Пытался решить главную задачу кооперации — помочь бедным стать обеспеченными через получение большего заработка и возможности накопления личных сбережений. Этим хотел создать для простых людей счастливую жизнь и материальную свободу⁸.

На правилах народной традиции артельного труда русские офицеры-декабристы выработали правовые нормы, создали первые в России потребительские общества и кооперативы, которые помогали им выжить в трудных обстоятельствах каторги и ссылки в суровой Сибири. Вернувшиеся домой военные кооператоры и их единомышленники разнесли свой опыт во все уголки России. Профессиональный юрист Н.П. Гибнер подхватил у российских военных идеи кооперативной практики, внес свой вклад в их развитие и распространение по всей стране. Кооперативные традиции живы в нашей армии и сегодня. Денежный обычай «складчина» с давних времен живет и поныне среди курсантов военных училищ и офицеров современной российской армии.

⁸ Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М. : Вита-Пресс, 2005. 160 с.

Литература

1. Безгина О.А. Специфика процесса становления потребительской кооперации России во второй половине XIX века / О.А. Безгина // Кооперация: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2011. С. 38–41.
2. Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник / К.И. Вахитов. М. : ИТК «Дашков и К», 2010. 480 с.
3. Ефремова Г.М. Истоки российской кооперации / Г.М. Ефремова // Кооперация: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 12 апреля 2011 г. Новосибирск: Изд-во СибУПК, 2011. С. 31–32.
4. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. / А.П. Корелин. М. : РОССПЭН, 2009. 391 с.
5. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения / И.А. Коряков. Чита: ЗИП СибУПК, 1998. 235 с.
6. Невлев В.В. Участие российских офицеров в формировании социально-правовых основ отечественной кооперации / В.В. Невлев // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9(152). Вып. 24. С. 46–54.
7. Никонова С.В. Пионеры российской кооперации: сборник / С.В. Никонова. Чита: ЗИП СибУПК, 2006. 87 с.
8. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации / Л.Е. Теплова. М. : Вита-Пресс, 2005. 160 с.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ПОДЧИНЕННОСТИ И ВОИНСКИХ УСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Новокионов Дмитрий Вячеславович,
начальник кафедры уголовного процесса
и криминалистики факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
d_novoksh@mail.ru*

*Шеншин Виктор Михайлович,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
vitya-shen@mail.ru*

В работе исследуется историко-правовой аспект развития уголовной ответственности преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений. Авторы статьи отмечают, что, несмотря на предпринимаемые усилия в сфере борьбы с указанными преступлениями, количество таких деяний неуклонно растет.

Ключевые слова: воинские уставные взаимоотношения, порядок подчиненности, уголовная ответственность военнослужащих.

Development of the Russian Laws on Criminal Liability for Crimes against the Chain of Command and Military Statutory Relationships: the Historical and Legal Aspect

*Novokshonov Dmitry V.
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the (Command) Faculty of the Saint-Petersburg Military Institute
of National Guard Troops of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

*Shenshin Viktor M.
Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law
of the (Command) Faculty of the Saint-Petersburg Military Institute
of National Guard Troops of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

The paper investigates the historical-legal aspects of criminal responsibility crimes against the order of subordination and military statutory relations. The authors note that, despite the efforts made in the fight against the specified crimes, the number of such acts has been steadily increasing.

Keywords: military statutory relationships, chain of command, the criminal liability of servicemen.

Формирование военно-уголовного законодательства начало осуществляться с образования Киевского государства, что подтверждается богатым фактическим материалом¹.

Важнейшие этапы в развитии Вооруженных Сил России чаще всего совпадали со временем, которое целесообразно называть «эпохой национальных преобразований и потрясений»². Этапы становления военно-уголовного законодательства совпадают с основными этапами строительства Вооруженных Сил Российского государства, решения им задач по обеспечению боевой готовности и боевой способности войск.

Развитие законодательства берет свое начало со времен возникновения и становления российской государственности, военно-уголовное право проходит этапы становления, начиная со времени создания постоянных войск как основного признака государства³.

Времена Ивана IV были насыщены событиями, среди которых проявляется очевидная тенденция, направленная на образование централизованного государства, и вместе с тем происходила ликвидация откликов феодального расслоения. В это время проведена реформа, в соответствии с которой войско упорядочивалось: местничество, оказывавшее негативное воздействие на назначение лиц на командную должность, как таковое ограничивалось (Указ 1550 г.). Величина земельного надела позволяла определить число вооруженных людей, приводимых помещиком (Указ 1556 г.). При Иване IV образован был регулярный корпус (3 тысячи стрельцов), который со временем увеличивался.

16 февраля 1571 г. разрабатывается и принимается общее уложение — Боярский приговор о станичной и сторожевой службе.

В XVI в. система общих уголовно-правовых постановлений, содержащихся в судебных книгах, отводила значительное место преступлению, субъектом которого могло быть только начальствующее лицо в войске⁴.

Военное строительство, проходившее при Иване IV (Грозном), потребовало правового регулирования, опиравшегося на централизованное управление войсками, установления прав и обязанностей служивых людей.

Таким образом, во время правления Ивана IV продолжали закладываться основы борьбы с воинскими преступлениями.

Соборное уложение 1649 г. продолжило развивать тенденцию, направленную на борьбу с воинскими преступлениями. Так, в частности, ст. 3, содержащейся в гл. 23 указанного акта, предписывалось, что стрельцы под страхом уголовного наказания не могли оскорблять друг друга⁵.

Военный потенциал России позволял в дальнейшем совершенствовать и развивать военно-уголовное законодательство. Указанный факт обуславливался потребностью ведения постоянных военных действий Петром I, которые направлены были на территориальные завладения и выходу к морю. Основу военной реформы, проводимой Петром I, составляла всеобщая воинская повинность, обученность и воспитанность войск, централизация управления, единоначалие, суровая воинская дисциплина. Правовым средством по достижению требуемого результата выступало военно-уголовное законодательство.

«Уложение или право воинского поведения генералов, средних и меньших чинов и рядовых солдат», а также «Краткий артикул, избранный из древних христианских воинских прав»⁶ сохраняли ранее существовавшие военно-уголовные нормы, в соответствии с которыми наступала ответственность за преступления против подчиненности.

В 1716 г. Петром I издается Воинский устав, в который вошла ч. II под названием «Артикул воинский», который по своей сути составлял военно-уголовный кодекс. 1720 г. знаменателен помимо всего прочего принятием Морского устава, являющегося адаптированным Артикулом воинским к службе на военноморском флоте.

Артикул воинский — это систематизированный, детализированный свод военно-уголовных норм, состоявший из 209 артикулов, которые распределялись по 24 главам. Поначалу Артикул имел свое распространение на военнослужащих, но в последующем он стал распространяться и на гражданских лиц (чаще всего военного ведомства). Рассматриваемая нами тема содержалась в артикулах 27–30, 32, 35⁷.

Имевшие в то время многочисленные нарушения установленного порядка подчиненности и воинской чести побуждали законодателя предусматривать довольно-таки жесткие наказания за их совершение — казнь простая и казнь квалифицированная — четвертование, колесование и т.д., что, несомненно,

¹ Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 48.

² Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 25.

³ Кисаицин М.К. Военно-уголовное законодательство. М., 2002. С. 20.

⁴ Новокшонов Д.В. Некоторые аспекты и особенности уголовно-правовой характеристики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими // Военно-юридический журнал 2017. № 12. С. 9.

⁵ Зателепин О.К. Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года // Актуальные проблемы борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации: материалы науч.-практич. конф. / отв. ред. М.М. Корнеев. М., 1997. С. 59.

⁶ Шмидт Ф. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морского флота в России. М., 1798.

⁷ Столетие военного министерства (1802–1902). Главное Военно-Судное Управление. Исторический очерк. Кн. 1. Ч. 1 / сост.: И.А. Шендзиковский и Н.И. Фалеев. СПб., 1902. С. 14–19.

положительно сказывалось на превентивном характере таких преступлений.

Таким образом, Артикул воинский содержал нормы, которые легли в основу правовых оснований, направленных на предупреждение и пресечение воинских преступлений. Указанный акт был нацелен на выполнение карательно-служебной функции обеспечения военно-политического успеха при проведении военных акций.

А.А. Толкаченко пишет о военном, уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве петровского времени как о «необходимом средстве достижения политических, военных и иных целей любой ценой»⁸.

Н.А. Бердяев говорит: «Реформы Петра I являлись неизбежными, но он совершал их путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями... Приемы Петра были совершенно большевистские...»⁹

В последующем военно-уголовное законодательство приобрело характер смягчения уголовных наказаний. Так, Полевое Уголовное Уложение 1812 г. регулировало воинские преступления, совершенные ими в военное время. Установление тенденции, направленной на гуманизацию уголовных наказаний, не затронуло рассматриваемые нами преступления, поскольку в тот период существовала необходимость усиления единоначалия в период военных действий.

В 1839 г. военно-уголовное законодательство относительно порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений претерпело попытку совершенствования, что выразилось принятием Устава военно-уголовного (пятая часть Свода Военных Постановлений), в основу которого вошли Воинский Артикул и Полевое Уголовное Уложение¹⁰. Одним из достоинств указанного акта стало установление уголовной ответственности начальника за приказы, не относящиеся к службе: «... и неприличные солдатскому званию ...» (причем нижние чины не подлежали ответственности за неисполнение таких приказов), а в ст. 331 — за «... слова, оскорбительные до чести подчиненных ...» в отданных им приказах.

До 1917 г. правовым основанием уголовной ответственности за воинские преступления являлся Воинский устав о наказаниях 1869 г., в котором нашли свое отражение военные реформы в России 1860–1870-х гг., целью которых выступало создание массовой, боеспособной армии, которая отвечала бы, по тому времени, современным требованиям. Причем, необходимо отметить, на параллельное действие Военно-морского устава о наказаниях.

Однако законодатель не обошел стороной и подчиненный личный состав, так, в ст. 3 Дисциплинарного устава шла речь об обязанности подчиненного по оценке действий во исполнение приказа. Статья 69 Устава предусматривала: «Не почитается преступным ни деяние, учиненное во исполнение закона, ни деяние, учиненное во исполнение приказа, данного начальником, если приказ был дан по службе или почтальником за таковой, и если подчиненный не сознавал преступности предписанного деяния»¹¹.

Самостоятельным этапом развития военно-уголовного законодательства России является советский период, которому свойственен был принципиально новый подход к его конструированию, отказ от военно-уголовного права как самостоятельной отрасли права. Военно-уголовное законодательство входило в качестве составной части в уголовное законодательство советского государства, оно опиралось на нормы Общей части, основывалось на «разделении воинских и общеуголовных преступлений, воинских преступлений и проступков»¹².

К первым актам советского времени, которые касались военнослужащих, следует отнести Приказ Полевого штаба Главковерха по Петроградскому военному округу о введении гласных товарищеских судов¹³, декрет Совета рабочей и крестьянской обороны «О дезертирстве», декрет ВЦИК и СНК «О местностях, объявленных на военном положении»¹⁴. Приведенные акты содержали нормы, предусматривавшие уголовную ответственность военнослужащих, закрепляли новый социалистический правопорядок, пресекали преступные посягательства на обороноспособность Советского государства.

Декрет II Всероссийского съезда Советов от 26.10.1917 отменял смертную казнь на фронте. Обращение СНК от 11.11.1917 «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» для всех армейских организаций, военно-революционных комитетов и солдат раскрывало позицию советской власти в отношении обеспечения военнослужащих всеми видами довольствия. А посему те армейские комитеты, которые попытались поддерживать врагов народа в их борьбе против советской власти, «должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы»¹⁵.

⁸ Толкаченко А.А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты). М., 1997. С. 21.

⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 11–12.

¹⁰ Столетие военного министерства (1802–1902). Главное Военно-Судное Управление. Исторический очерк. Кн. 1. Ч. 1. С. 59–67.

¹¹ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.

¹² Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. М., 1999. С. 21.

¹³ СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 87.

¹⁴ СУ РСФСР. 1918. № 99. Ст. 1015; 1919. № 9. Ст. 94; № 25. Ст. 287; 1920. № 26. Ст. 126.

¹⁵ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 28–32.

Приказ по флоту и морскому ведомству «О переходе управления флотами в ведение центральных комитетов флотов» давал основание полагать виновных в отказе от «исполнения служебных обязанностей и невыполнении приказов, распоряжений и постановлений» как врагов народа, которые подлежали военно-революционному суду¹⁶.

Итак, основными задачами уголовно-правовых норм начального периода существования Советского государства считались: охрана нового революционного правопорядка и воинской дисциплины в армии, борьба с контрреволюционерами.

Положение о революционных военных трибуналах от 20.11.1918¹⁷ стало первым систематизированным перечнем воинских преступлений, среди которых выделялся и такой состав, как неисполнение боевых приказов.

Отметим, что для военно-административного права, наряду с уголовным, было характерным наличие взаимоотношений начальника и подчиненного относительно исполнения приказа. К примеру, ст. 1 Устава внутренней службы 1918 г. все военнослужащие «обязаны были беспрекословно исполнять все приказы командиров и комиссаров». Статьи 10, 13 рассматриваемого Устава предписывали подчиненному исполнению всех приказаний, за исключением явно преступных.

Положение о штрафных частях 1919 г., а затем и Положение 1921 г. раскрывали особенности отбывания военнослужащими наказаний в штрафных частях¹⁸.

Принятие в 1922 г. УК РСФСР послужило развитием нового этапа военно-уголовного законодательства, предусматривающего воинские преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений. Данный нормативный акт в ст. 201 предусматривал оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного, в ст. 202 неисполнение военнослужащим законно отданного ему по службе приказа начальника, в ст. 203 сопротивление исполнению отданного ему приказа.

Положение о воинских преступлениях 1924 г. указанные преступления сохранило.

Положение о воинских преступлениях 1927 г. значительно развивало нормы об ответственности за преступления против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести, в ст. 6, например, была предусмотрена уголовная ответственность за оскорбление одним военнослужащим другого, когда оскорбляющий и оскорбленный не состоят между собой в отношениях подчиненности или старшинства.

¹⁶ СУ РСФСР. 1917. № 6. Ст. 96.

¹⁷ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

¹⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 53–74.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1957 «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях» дополнил систему преступлений против порядка подчиненности, в котором нашел свое отражение такой состав, как угроза насилием начальнику в связи с его служебной деятельностью.

Закон об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г. также предусматривал изменения в системе норм об ответственности за преступления против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести. Так, этим законом вводились новые составы преступлений — неповиновение (ст. 2) как насильственные действия в отношении начальника (ст. 6). Уголовная ответственность за оскорбление, причиненное словами или ненасильственным действием, отменялась, что давало основание относить такое правонарушение к дисциплинарному проступку.

В связи с новой конструкцией ст. 4 Закона трудности в квалификации сопротивления и принуждения в значительной мере устраняются. В результате всех этих изменений система норм об ответственности за преступления против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести стала более совершенной и удовлетворяющей современным требованиям борьбы за укрепление воинской дисциплины. В частности, усилилась правовая охрана порядка подчиненности и личности начальника.

15.12.1983 был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в некоторые акты уголовного законодательства СССР», в соответствии с которым ст. 8 закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г. излагалась в новой редакции, что соответствовало требованиям уголовно-правовой охраны отношений, связанных с военной службой.

В 60-70-х гг. XX в. набирают свое развитие «неуставные взаимоотношения», характерные для их современного понимания¹⁹.

В Уголовном кодексе РФ была декриминализована угроза начальнику, неповиновение и неисполнение приказа были объединены.

Таким образом, Уголовный кодекс РФ содержит 22 состава воинских преступлений, напомним, что УК РСФСР 1960 г. содержал 35 подобных деяний.

Приведенные периоды развития военно-уголовного законодательства не являются исчерпывающими. Стоит указать на тот факт, что внутри каждого периода можно выделить этапы формирования конкретных уголовно-правовых отношений, что также требует дополнительных научных исследований.

¹⁹ Эминов В.Е., Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999. С. 71.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М.: Наука, 1990. 224 с.

2. Зателепин О.К. Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года / О.К. Зателепин // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации: материалы науч.-практич. конф. / отв. ред. М.М. Корнеев. М. : Военный Университет, 1997.
3. Кислицин М.К. Военно-уголовное законодательство / М.К. Кислицин. М. : Норма — Инфра-М, 2002. 432 с.
4. Новокшенов Д.В. Некоторые аспекты и особенности уголовно-правовой характеристики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / Д.В. Новокшенов // Военно-юридический журнал 2017. № 12. С. 16–21.
5. Петухов Н.А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н.А. Петухов, В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7–12.
6. Петухов Н.А., Шеншин В.М. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект / Н.А. Петухов, В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 28–32.
7. Столетие военного министерства (1802–1902). Главное Военно-Судное Управление. Исторический очерк. Кн. 1. Ч. 1 / сост.: И.А. Шендзиковский, Н.И. Фалеев. СПб., 1902. 201, ХLI с.
8. Толкаченко А.А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты) / А.А. Толкаченко. М., 1997. 177 с.
9. Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право / В.М. Чхиквадзе. М. : Юридик. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 452 с.
10. Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук / В.М. Шеншин. СПб., 2006. 173 с.
11. Шмидт Ф. Начертание о начале и успехах в устройении регулярного войска и морского флота в России / Ф. Шмидт. М., 1798.
12. Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ / В.Е. Эминов, И.М. Мацкевич. М. : Пенатес-Пенаты, 1999. 260 с.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*Парсуков Владимир Александрович,
соискатель кафедры теории государства и права,
конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета
(Национального исследовательского университета)
parsukov77@mail.ru*

В настоящей статье обращается внимание на регламентацию процесса прохождения военной службы в пограничных органах Российской империи. Автором исследуются пределы правового регулирования отношений, связанных с определением требований к кандидатам, претендовавшим на замещение должностей в Отдельном корпусе пограничной стражи (ОКПС). Особое внимание автора посвящено анализу нормативных положений Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи, утвержденных российским императором в 1910 г., и ведомственной инструкции, регулирующей служебную деятельность чинов ОКПС на пространстве границ государства в начале XX в. В статье определяются области влияния

законов и подзаконных актов на порядок призыва, поступления и перемещения по службе в системе пограничных органов России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Отдельный корпус пограничной стражи, правовое регулирование, военная служба.

Regulation of the Process of Performing Military Duty in the Border Authorities of the Russian Empire

Parsukov Vladimir A.

*Degree-Seeking Student of the Department of Theory of State and Law,
Constitutional and Administrative Law
of the South Ural State University (National Research University)*

The article is devoted to regulating the process of passing military service in the border agencies of the Russian Empire. The author studies the legal regulation of relations connected with the definition of requirements for candidates who applied for positions in the Separate Corps of Border Guards (SCBG). The author pays special attention to the analysis of the normative provisions of the Rules of a separate border guard corps, approved by the Russian Emperor in 1910, and a departmental instruction regulating the official activity of officers of the SCBG in the early 20th century on the border areas of the Empire. The author defines the areas of influence of laws and bylaws on the order of conscription, nomination and movement in cross the service in the system of the border authorities of Russia at the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: Separate Corps of Border Guards, legal regulation, military service.

Анализ историко-юридических работ в сфере правового регулирования военной службы в Российской империи позволяет признать, что служба по пограничному надзору, осуществляемая в конце XIX — начале XX в. Отдельным корпусом пограничной стражи (далее — ОКПС) изучена мало.

Определить пределы правового регулирования военной службы по пограничному надзору на рубеже XX–XX вв. позволяет анализ законов и подзаконных актов. Однако понятие закона в истории правовой мысли Российской империи носило весьма спорный характер.

Дискуссионным был вопрос о признаках, позволяющих называть нормативный акт законом. Отдельные правоведы признавали особо важным внешнюю форму проявления акта, тогда как другие придавали определяющее значение порядку принятия актов. Так, до 1905 г. любой закон должен был быть обсужден в Государственном Совете и подписан императором, а после 1905 г. к органам, обязательное одобрение которых было необходимо для рождения закона, добавилась Государственная Дума¹. Строгий порядок принятия законов в практике деятельности государственных органов соблюдался не всегда. Иногда император утверждал законодательные акты без обсуждения их проектов в Государственном Совете, в других случаях Государственный Совет принимал их без прямого участия императора, который мог одобрить новый закон устно или оставить его без личной санкции. Такие случаи некоторые исследователи предлагают рассматривать

как подзаконный акт². Однако именно санкция императора в сочетании с относительной обособленностью предмета правового регулирования отделяла закон от подзаконного акта.

Именным высочайшим указом императора от 15.10.1893³ был создан ОКПС. Требования к подданным империи, поступающим на военную службу в пограничную стражу, излагались в законе⁴ от 18.06.1892. Например, предписывалось комплектовать пограничную стражу новобранцами с телосложением, соответствующим службе в кавалерии, имеющим хорошее зрение и слух. Вместе с тем требовалось, чтобы кандидаты обладали опытом действительной военной службы.

Одним из основных критериев, необходимых для поступления на службу в органы пограничной стражи, была так называемая благонадежность относительно пограничного надзора.

На рубеже XIX–XX вв. термин «благонадежность»⁵ применялся в правотворческом процессе пограничных органов России весьма часто. Однако его точное определение в нормах, регулировавших деятельность ОКПС, практически не встречалось.

² Ботанцов И.В. Характеристика источников права Российской империи 1832–1917 гг. // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: БуК, 2016. С. 34–37.

³ О преобразовании пограничной стражи в Отдельный корпус и об утверждении временного штата Управления означенного корпуса // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XXIII. № 9975.

⁴ Об изменении и отмене некоторых статей Устава Таможенного 1892 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XII. № 8738.

⁵ Благонадежный — заслуживающий доверия (книж.) Будьте благонадежны (устар.) — будьте уверены, не беспокойтесь // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 48.

¹ Об усовершенствовании Государственного порядка // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XXV. № 26803.

Вместе с тем ведомственные правовые акты содержали разъяснения о том, какие военные чины признавались неблагонадежными. Так, циркуляр командира ОКПС от 20.10.1900 содержал пояснения по поводу неблагонадежности относительно пограничного надзора. Так, побег за границу не являлся в достаточной степени неблагонадежностью. Факт побега необходимо было проверить на предмет наличия иных признаков противоправной деятельности, например, содействие водворению контрабанды или ее пропуск через границу. Только в этом случае ставился вопрос об удалении военнослужащего из воинской части⁶.

До 1910 г. регулирование процесса прохождения военной службы в пограничных органах Российской империи осуществлялось посредством издания государственных законов и локальных правовых актов. Например, законом⁷ от 02.12.1896 устанавливались усиленные оклады жалования офицерам, пополнявшим Кавказские бригады ОКПС. Это производилось на общих основаниях, предусмотренных таможенным законом (1892).

В начале XX в. таможенное законодательство было преобразовано таким образом, что из Таможенных уставов (1904, 1910) были изъяты нормы, ранее регулировавшие служебную деятельность пограничной стражи. Однако кодификация нормативных правовых актов, регулировавших процесс военной службы в ОКПС, к 1910 г. была закончена путем принятия Правил об отдельном корпусе пограничной стражи (далее — Правила). Этот закон вобрал в себя все существовавшие на тот момент достижения в сфере правового регулирования службы пограничного надзора, осуществлявшейся пограничной стражей. Так, в соответствии с Правилами чины ОКПС, исполняя служебные обязанности по пограничному надзору, приравнивались к военному караулу. При этом всякий нижний чин, поставленный на пост с ружьем или обнаженным холодным оружием, признавался часовым⁸.

В морской таможенной полосе важные направления служебной деятельности пограничников также регламентировались Правилами. Например, в случае сопротивления судов, при осмотре или задержании их суда флотилии ОКПС могли, смотря по обстоятельствам, действовать силою оружия. Однако это предписывалось осуществлять «...с крайней осторожностью и только при действительной в том надобности»⁹.

⁶ О переводе нижних чинов по неблагонадежности к пограничному надзору в полевые войска // Сборник секретных циркуляров по ОКПС с 1894 по 1900 г. СПб., 1901. С. 29.

⁷ Об усилении состава расположенных на Кавказской и Западных границах бригад отдельного корпуса пограничной стражи 1896 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. XVI. № 13472.

⁸ Парсуков В.А. Регулирование порядка и правил применения оружия чинами Отдельного корпуса пограничной стражи // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

Развитию права в сфере регулирования процесса прохождения военной службы в пограничных органах Российской империи способствовало утверждение 7 декабря 1912 года шефом ОКПС — министром финансов В.Н. Коковцовым — Инструкции службы чинов ОКПС (далее — Инструкция). Этот подзаконный акт конкретизировал сферы возможного и должного регулирования, охватываемые и неохватываемые нормами Правил. Например, затронутый выше вопрос о неблагонадежности чинов пограничной стражи регулировался ст. 343 Инструкции, которая относилась к неблагонадежным лицам, подозреваемым в содействии провозу контрабанды, пропуске эмигрантов, дезертиров, а также нарушении Устава таможенного и Правил об ОКПС.

Положения Инструкции предусматривали возможность включения наемных джигитов из числа местных жителей в состав Закаспийской и Аму-Дарьинской пограничных бригад (ст. 318). В Инструкции не было специального раздела, посвященного регулированию правоотношений в области комплектования и обучения пограничников. Однако отдельные нормы гл. VII Инструкции (раздел о правах и обязанностях чинов ОКПС) устанавливали полномочия должностных лиц корпуса по комплектованию подразделений и частей корпуса личным составом и его обучению.

Определенные ограничения и запреты, закреплявшиеся в нормах права, связанные с поступлением на государственную военную службу и ее прохождение в Российской империи, можно интерпретировать как требования к кандидатам, поступающим на службу в пограничные органы.

Так, 3 марта 1895 г. на ОКПС стали распространяться ограничения по вступлению офицеров корпуса в брак, действовавшие в военном ведомстве с 1887 г. (Приказ № 237). С указанного времени требовалось, чтобы начальствующие лица «...входили в обсуждение пристойности брака». Эта мера вводилась для поддержания достоинства офицерского звания, так как сложившаяся к тому моменту практика нередко порождала крайне нежелательные последствия, вредно влияющие на службу и «умоляющие достоинство офицерского звания»¹⁰.

Определенные ограничения для занятия соответствующих должностей в ОКПС закреплялись в отношении офицеров и нижних чинов, исповедующих римско-католическую веру. Такие подданные государства не назначались в пограничные бригады, располагавшиеся в западной части сухопутной границы империи. С учетом этого существовал запрет на вступление в брак с католичками (уроженками Царства Польского, западных приграничных губерний) чинов западных бригад ОКПС. Подобные ограничения и запреты распространялись и на конкретные должности во всей системе пограничных органов. Так, се-

¹⁰ По поводу выдачи разрешений на вступление в брак офицерам и нижним чинам // Сборник секретных циркуляров по ОКПС с 1894 по 1900 г. СПб., 1901. С. 28.

кретным циркуляром¹¹ от 12.04.1894 требовалось, чтобы «...ни в какого рода канцеляриях, отнюдь и не под каким предлогом не допускались писцы католического вероисповедания».

Отдельные ограничения были связаны с правовым явлением военной службы, определяемым современными исследователями как «конфликт интересов»¹². С целью профилактики такого конфликта новобранцы, поступавшие в пограничные органы империи из различных губерний, проходили службу вдалеке от мест, откуда они были призваны. Например, в 1900 г. в 27-ю Эриванскую бригаду были зачислены новобранцы из Бессарабской, Люблинской, Минской и Тамбовской губерний и из области войска Донского, а в Беломорский особый отдел прибыли новобранцы из Архангельской губернии¹³. Исключения из этого правила допускались, однако это касалось только времени обучения призывников. После обучения молодых пограничников надлежало направлять в пограничные органы (округа, бригады, отделы), расположенные вдалеке от родных для них мест. Считалось, что наличие у чинов корпуса в приграничных районах родственников провоцирует их вовлечение в противоправную деятельность.

Одним из путей комплектования ОКПС офицерами был перевод из Военного и Морского министерств. Для этого требовалось разрешение шефа корпуса — министра финансов. Призыв из запаса был возможен, если лицом, пребывавшем в запасе, подавалось прошение на имя императора, представлялось свидетельство губернатора или «предводителя» дворянства о «благонадежном поведении». Помимо этого, требовалось медицинское свидетельство и послужной список офицера¹⁴.

В начале XX в. процесс перевода офицера из армейских частей в ОКПС носил многоступенчатый характер: кандидат подавал рапорт на имя командира полка, где он проходил военную службу, после чего принималось решение о направлении в штаб ОКПС служебной характеристики, аттестации с оценкой не ниже «хорошо» и послужного списка офицера. При положительном предварительном решении штаб ОКПС запрашивал дополнительные документы: краткую записку о прохождении службы, выписку из журнала взысканий, медицинское свидетельство.

Перемещение офицеров внутри системы пограничных органов обуславливалось особенностями обстановки на различных участках пограничного пространства империи. Права и обязанности должностных лиц ОКПС по переводу офицеров и нижних

чинов, устанавливаемые Правилами, получали должное развитие в Инструкции. Так, шефу пограничной стражи «по указаниям надобностей пограничного надзора» разрешалось переводить штаб-, обер-офицеров, а равно и нижних чинов ОКПС из одной части в другую. Однако нормы Инструкции содержали ограничения: «... не выходить из общего положенного по всей пограничной страже числа офицеров по должностям и числа нижних чинов по окладам жалованья, а также из пределов ассигнуемых в установленном порядке суммы на удовлетворение их жалованьем»¹⁵.

Жесткие требования относительно перемещения офицеров предъявляла Инструкция и для начальников пограничных округов. Так, перемещение офицеров из отряда в отряд внутри округов ОКПС требовалось не производить без серьезных оснований, «отдавая подробно в приказах о причинах, вызвавших перемещение офицера»¹⁶.

Унтер-офицерский состав ОКПС пополнялся чинами, имевшими опыт служебной деятельности на границе, прошедших полный курс подготовки в учебных командах (отрядах) при штабах пограничных бригад. При замещении вакантных унтер-офицерских должностей предпочтение отдавалось военнослужащим, имеющим награды в виде Военного ордена или медали с надписью «За храбрость».

Должности старшего поста (с 1 июня 1907 г. начальника поста) и вахмистра укомплектовывались унтер-офицерами, находящимися на сверхсрочной службе. Преимущество отдавалось военнослужащим, отличавшимся порядочностью, ответственностью, твердостью характера и исполнительностью. Первый офицерский чин жаловался унтер-офицерам только после окончания срочной службы с назначением на открывшуюся вакансию по представлению непосредственного начальника и при условии успешной сдачи предварительного испытания в особой комиссии при части, а затем при юнкерском училище. Прошедшие испытание чины считались кандидатами на классную должность. От экзамена освобождались унтер-офицеры, отличившиеся в сражениях и получившие ранения¹⁷.

Таким образом, поступление и перемещение военных кадров в системе пограничных органов российского государства на рубеже XIX–XX вв. регулировались законами и подзаконными актами государственных органов. Анализ правового регулирования процесса прохождения военной службы в пограничных органах Российской империи позволяет сделать вывод о том, что нормативными правовыми актами высших органов государственной власти, ведомственными правовыми актами устанавливались требования к лицам, обладающим способностью поступить на военную службу в ОКПС. Правовым путем закреплялись требования к внешним данным кандидатов на службу, состоянию их здоровья, социально-

¹¹ О недопущении в канцеляриях писцов-католиков и о хранении секретной переписки // Сборник секретных циркуляров по ОКПС с 1894 по 1900 г. СПб., 1901. С. 5.

¹² Ахметова Н.А. Конфликт интересов на государственной службе // Власть. 2013. № 12. С. 124–127.

¹³ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893–1919): научно-популярное издание. М.: Граница, 2012. С. 133.

¹⁴ Коновалов М.И. Справочная книжка для господ офицеров Пограничной стражи: в 2 ч. СПб., 1910. С. 293.

¹⁵ Инструкция службы чинов ОКПС. СПб., 1912. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ РГВИА. Ф. 4987. Оп. 1. Д. 12. Л. 499.

му статусу, уровню образования и военному стажу претендентов, также учитывался опыт участия в боевых действиях и наличие государственных наград.

Для поступления на военную службу в ОКПС устанавливались ограничения, которые вводились в отношении лиц, исповедовавших римско-католическую веру либо собиравшихся вступить в брак с такими лицами. Отдельные ограничения были свя-

заны с правовым явлением в системе военной службы, интерпретируемым современными исследователями как «конфликт интересов». Указанное явление в правовых актах, регулировавших процесс службы в ОКПС, было связано с понятием «благонадежности», выступающим одним из критериев соответствия лица, требованиям, предъявляемым к службе в пограничных органах Российской империи.

Литература

1. Ахметова Н.А. Конфликт интересов на государственной службе / Н.А. Ахметова // Власть. 2013. № 12. С. 124–127.
2. Ботанцов И.В. Характеристика источников права Российской империи 1832–1917 гг. / И.В. Ботанцов // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. 294 с.
3. Коновалов М.И. Справочная книжка для господ офицеров Пограничной стражи: в 2 ч. / М.И. Коновалов. СПб., 1910. 412 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М., 1960. 900 с.
5. Парсуков В.А. Регулирование порядка и правил применения оружия чинами Отдельного корпуса пограничной стражи / В.А. Парсуков // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. 297 с.
6. Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893–1919): научно-популярное издание / А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Граница, 2012. 520 с.